

Наталья Медведская

Когда цветет

АКАЦИЯ

16+

Наталья Медведская
Когда цветёт акация

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Медведская Н. Б.

Когда цветёт акация / Н. Б. Медведская — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Ася, Дмитрий и Юлия выросли вместе и стали друг другу ближе, чем родные братья и сестры. Чтобы как можно дольше не расставаться, они даже поступили в один университет. Им казалось, все неприятности остались в детстве и юности, но судьба приготовила им ещё много испытаний и сюрпризов. Без поддержки друзей Дима спасовал бы перед первыми же трудностями и разрушил бы не только свою жизнь. Ася не смогла бы пережить измену и предательство, а Юля не справилась бы со своей такой невыносимо трудной, но прекрасной любовью.

© Медведская Н. Б., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	44
Глава 7	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Наталья Медведская

Когда цветёт акация

«Если у тебя есть любовь, то тебе больше ничего не нужно. Если у тебя нет любви, то не имеет значение, что у тебя есть».

Сэр Джеймс Берри

Глава 1

Юля сидела на скамейке в скверике перед университетом, ожидая друзей, отправившихся полакомиться мороженым в кафе. Она не пошла с ними, мотивируя отказ тем, что смотреть, как они едят нелюбимое ею лакомство выше её сил. Но это было правдой лишь наполовину: не хотелось признавать правоту подруги, уговаривающей её утром не надевать новые туфли.

– Юль, не будь ребёнком. Сегодня придётся много ходить, ты натрёшь ноги.

Она не послушалась и вот результат: преодолевая боль, еле дошла до этой скамейки. Осмотрев стёртую кожу на пятке, достала из рюкзака салфетку, промокнула лопнувший волдырь и, морщась от боли, наклеила на него пластырь.

«Вот так-то лучше. Теперь можно двигаться дальше. Главное, Аська не заметила и не станет упрекать в безалаберности. Вечно она во всём права».

Рассеянный взгляд Юли скользнул по начавшим желтеть кустарникам калины, пока не уткнулся в неподвижного незнакомца, расположившегося напротив неё на такой же скамье. Парень, по-видимому, пребывал в полной прострации, он явно мысленно находился далеко от суетливого студенческого городка. Его настолько поглотили собственные думы, что он не замечал ничего вокруг.

«Изображает соляную статую?» – усмехнулась Юля, присматриваясь к странному незнакомцу.

Именно своей отрешённостью этот молодой мужчина привлёк её внимание. На минуту ей показалось, что смотрит на статичную чёрно-белую картинку, встроенную в цветное движущееся фото. Она даже вздрогнула, когда парень откинул волосы с высокого лба, открывая росчерки чёрных густых бровей. Он смотрел куда-то вверх, в сочную синь неба, хотя вряд ли пытался что-то там разглядеть; напряжённую работу мысли выдавала закусенная нижняя губа и чуть прищуренные глаза. Во всём облике и одежде незнакомца не имелось ни единой яркой детали, чёрные джинсы, футболка и кроссовки только усиливали впечатление его инородности к окружающему миру, к буйным краскам клумб и листве деревьев, умытой дождём. Юля никогда не верила, что можно влюбиться с первого взгляда, но именно это и произошло с ней, пока она увлечённо разглядывала заинтересовавшего её мужчину. В каждом из нас на подсознательном уровне имеется свой эталон, образ и если он вдруг совпадает с увиденным человеком, происходит то самое волшебное зарождение чувств. Спустя несколько секунд рассматривания незнакомца Юля не могла не признать: он понравился ей и очень, таких эмоций она не испытывала ни разу в жизни. Любуясь серыми без капли теплоты глазами, растрепанными тёмными волосами, выглядевшими не в продуманном художественном беспорядке, а немного неопрятно, будто парню недосуг постричься, она поняла, что сердце колотится, как бешеное. Юля облизала пересохшие от волнения губы. У привлекательного незнакомца имелась аккуратная родинка на шее, прямо в ямочке там, где бьётся пульс, вторая расположилась сбоку чуть пониже правого уха. При взгляде на эти родинки она ощутила непреодолимое желание прикоснуться к ним губами. Его незагорелая шея показалась ей трогательно беззащитной и соблазнительной. Юля вздрогнула, уж больно необычное состояние вызвал в ней этот парень. Она приложила ладони к пылающим щекам.

«Господи! Что за дурацкие мысли лезут в голову? С каких пор мужская шея стала выглядеть для меня привлекательной. Я же не мифический вампир?»

Юля перевела взгляд на губы незнакомца и чуть не застонала: для поцелуя они выглядели ещё заманчивее, чем шея. Контур его губ словно кто-то обвёл карандашом, верхняя, чуть более пухлая, походила на лук купидона, нижняя красиво изгибалась. Перед глазами возникла волнующая картинка: вот она кончиками пальцев проводит по его шелковистым бровям, дотраги-

вається до щёк, целует сначала закрытые глаза, потом легко, будто ветерок коснётся носа, губ, подбородка, родинки в ямочке шеи, ощутит биение его сердца...

«Ох! Совсем с катушек слетела!» – отругала себя Юля, сжимая пальцы в кулаки, призывая очнуться от любовного морока.

Она никогда не была страстной натурой, по крайней мере, не подозревала этого за собой. Ранее ни один мужчина не волновал её сердце и не вызывал будоражащих кровь чувств. Те поцелуи, что ей довелось изведать, были приятными и не более того, а один раз даже вызвали отвращение. Юля искренне считала, что умопомрачительные страсти, описываемые в книгах и показываемые в фильмах, художественное преувеличение и не более того. Но сейчас, глядя на этого представителя сильного пола, не могла не признать, что её влечёт к нему с необыкновенной силой. Это было иррационально и странно. Ведь он мог оказаться вредным, скандальным, да и просто неприятным человеком. Она не понимала, как с ней могло такое случиться, но осознала, что бесповоротно влюбилась. Ей вдруг стало страшно: он исчезнет и навсегда останется незнакомцем. В панике она стала придумывать способ познакомиться с ним, но как назло ничего не приходило в голову. Сейчас Юля завидовала и одновременно жалела парней, которым приходилось начинать нелёгкое дело общения первыми.

Так они и сидели друг против друга: Юля во все глаза смотрела на него, а он на небо, не замечая её пристального взгляда. Она досчитала до десяти, собираясь с духом, почти решилась на разговор с парнем и даже встала со скамейки. Её отчаянную попытку остановило появление группы студентов.

– Холодов, вот ты где. Александр Вольдемарович спрашивал о тебе, он в четыреста седьмой аудитории, – к незнакомцу приблизился один из парней. – Гай! Приём, приём! – почти выкрикнул он ему в ухо, видя, что тот никак не отреагировал на его слова.

Парень, названный Гаем, очнулся.

– Кто? Что?

– Профессор просил передать, что ждёт тебя в четыреста седьмой аудитории. Холодов, ну, ты даёшь, впадаешь в грёзы, как мечтательная барышня.

Юля готова была обнять этого студента, невольно назвавшего имя и фамилию незнакомца. Холодов подхватил полупустой рюкзак, лежащий на скамейке, и направился в сторону парадного входа университета. Юля, чуть приотстав, поспешила следом. Ей хотелось узнать с какого факультета этот особенный для неё парень.

В конце августа учебное заведение было полупустым, редкие студенты бродили по коридорам – следить за Холодовым оказалось легко, но неудобно: он мог в любой момент обратить внимание на преследовательницу. К её счастью, Гай ни разу не оглянулся и, бодро дошагав до двери с табличкой «Лаборатория факультета Химии и Высоких технологий», вошёл в неё. Юля, потоптавшись несколько секунд возле запертой двери, вздохнув, заняла пост у окна. Роскошный куст диффенбахии надёжно спрятал её от чужих любопытных глаз. Продав пять минут, на большее терпения у Юли не хватило, она на цыпочках прокралась к двери и, взявшись за ручку, осторожно потянула на себя. К счастью, дверь приоткрылась без скрипа, сероглазый «Принц» стоял возле стола, за которым расположился малознакомый Юле профессор, внешне напоминающий карикатурного доктора Айболита. «Айболит» постучал шариковой ручкой по столешнице.

– В пятницу жду твою работу по исследованию Хитридиомицетов¹. Ты уже устроился в общежитие?

– Нет ещё, Завтра думаю заселиться. Профессор, статья почти готова, осталось распечатать таблицы, – ответил Гай.

¹ Хитридиомицеты – класс плесневых грибов.

– Пусть и Никита Львов переберётся в вашу комнату, так быстрее подружитесь, всё равно над одним проектом работаете.

«Айболит» небрежно помахал рукой, отпуская Холодова. Юлька отпрыгнула от двери и большими прыжками, словно обезумевшее кенгуру, враз слетевшее с катушек, помчалась по коридору. Она едва успела скрыться за поворотом, как Гай вышел из аудитории. Юля перевела дыхание и перешла на шаг. В пылу азарта она забыла о ссадине на ноге, но стоило ей немного успокоиться, боль сразу напомнила о себе. Чертыхаясь, Юля похромала к выходу. В кармане громко затрезвонил телефон, издавая бодрую мелодию «Пионерской зорьки». Этот необычный рингтонстал единственным способом разбудить, а также отвлечь её от созерцательной задумчивости.

– Акация, где тебя черти носят? Обещала же в сквере нас ждать – раздался в трубке сердитый голос Аси.

Юля схватилась за голову. Чёрт! Совсем забыла о друзьях.

– Бегу. Через пять минут буду. У меня кое-что важное произошло.

Друзей, Асю и Димку, Юля обнаружила на той же самой скамейке, на которой сама сидела недавно.

– Чего такая красная? Куда уже успела смотаться? – накинулась на неё Ася, подозрительно глядя на неровную походку подруги. – Чего ковыляешь, будто парализованная.

Дима фыркнул.

– Вообще-то парализованные лежат, они ходить не могут.

Юля оглядела друзей, набрала побольше воздуха в лёгкие и выпалила:

– Ребята, я влюбилась!

Глаза Дмитрия округлились, рот непроизвольно открылся.

– Ты?! Не может быть!

– Когда успела-то? – нахмурилась Ася. Встав со скамейки, она потрогала лоб подруги. – Перегрелась что ли?

Юля, заметив Холодова, появившегося из парадной двери университета, осторожно показала на него.

– Я влюбилась в этого парня.

Ася и Дима как по команде повернулись и уставились на незнакомого им студента.

– Кто это?

Они разглядывали неожиданного избранника подруги, пока тот не скрылся из вида. Юля взяла друзей за руки и, потянув, усадила на скамейку.

– Значит, дело было так...

Опустив тайные мысли насчёт поцелуев, она рассказала друзьям, как ловко узнала имя и фамилию «Принца».

– Завтра Холодов, как и мы будет заселяться в общежитие. Я должна точно узнать, где он будет жить, чтобы познакомиться с ним.

Дима покачал головой.

– От тебя можно ожидать чего угодно, но предположить, что понравится первый встречный, никак не мог.

– Ребята, вы не представляете, что я почувствовала, когда его увидела. Он точно моя судьба.

Ася скептически улыбнулась.

– Бог мой! Такую ерунду можно простить четырнадцатилетней девочке, но тебе двадцать один... Ты хоть понимаешь, что мелешь? Детсад какой-то. Какая там судьба. Тебе просто приглянулся симпатичный парень. Вот и всё.

– Ничего подобного, – с жаром возразила Юля. – Это... это как гром среди ясного неба. Ася и Дима переглянулись и вздохнули.

На следующий день проходящие мимо студенты могли полюбоваться на весьма колоритную троицу, стоящую на ступеньках перед входом в трехэтажное здание общежития: на стройного, широкоплечего парня и двух очаровательных девушек. У их ног громоздились тяжёлые сумки и пара чемоданов на колёсиках. Кучерявая шатенка, откинув за спину густые блестящие волосы, промокнула салфеткой вспотевший лоб.

– Наконец-то мы получили место в общежитии. Больше не придётся вставать спозаранку и тащиться через весь город, чтобы вовремя попасть на занятия.

– Да уж за два года жутко поднадоели утренние пробки, ненавижу их до зубовного скрежета, – улыбнулась подруге Юля. – А теперь красота, до аудиторий восемьсот метров, десять минут – и мы на месте.

Она с насмешкой покосилась на студентов, бредущих мимо них замедленным шагом. Почти на всех представителей сильного пола внешность её подруги из-за выдающихся форм производила просто ошеломляющее впечатление. Ася словно шагнула со страниц популярной манги: крутые бёдра, тонкая талия, длинные стройные ноги и весьма впечатляющая грудь. К этому натуральному богатству прилагалось неординарное лицо: светлая кожа, тёмно-карие глаза и нос с горбинкой. Несколько суровый вид не смягчала даже пухлая нижняя губа небольшого рта. В общем, строгий вид Асиной физиономии совершенно не сочетался с её фигурой, поражающей воображение почти всех мужчин, имеющих нормальную ориентацию.

Дмитрий, друг детства обеих девушек, был лишь на два сантиметра выше Аси; при своих метре восемьдесят он чувствовал себя превосходно только подле Юли, которая едва доставала ему до подбородка. Внешне Дмитрий походил на своего тёзку Дмитрия Харатьяна: такие же улыбочивые голубые глаза, и бездна обаяния. Обе девушки выросли на его глазах, вернее, он не помнил времени, когда бы ни знал их. С самого младенчества они находились рядом. Дружная троица родилась в один год с небольшой разницей в пару месяцев. Появились эти детки у родителей, живущих на окраине старинного районного городка в Железнодорожном тупике. Коттеджи на две семьи на этой тихой улочке давались ещё в Советское время исключительно тем, кто работал на железной дороге. Семьи Береговых, Тарасовых и Кацья успели получить квартиры в последний момент перед развалом страны и оказались самыми молодыми жителями на улице. Тарасовы и Кацья к тому же ещё стали соседями, поэтому свежее испечённые мамы дефилировали с колясками по колдобинам тупичка, выгуливая своих пухлых девчушек. Вскоре к этим двум молодым мамам прибавилась ещё одна с младенцем мужского пола. Имея приблизительно одинаковые интересы и образ жизни, мамы быстро подружились. А их детки, подрастая, так часто видели друг друга, что тоже стали друзьями. Сближению способствовало и отсутствие в переулке других маленьких детей. Возраст большинства жителей Железнодорожного приближался к пенсионному, их дети выросли и разлетелись из родительских гнёзд, а внуки ещё не появились. Дмитрий, Ася и Юля сначала попали в одну группу детского сада, а потом в один класс. Они настолько сроднились, что не представляли своей жизни друг без друга. Между ними была именно дружба, не замутнённая никакими любовными чувствами, как это иногда случается при взрослении. Они стали так близки, словно кровные сестры и брат. Особенно на родных походили Дмитрий и Юля, оба светловолосые и улыбочивые, даже ямочка на щеке была у них с одной и той же левой стороны.

– Ну и долго нам ждать коменданта общежития? – поинтересовалась Ася, промакивая вспотевший лоб вышитым платком, больше похожим на небольшое полотенце.

– Я говорил вам, давайте зайдём в холл, но тебе Юлём захотелось постоять на свежем воздухе. И где тут воздух, скорее солнцепёк, – буркнул Дмитрий. Он забрал у Аси платок, вытер своё лицо, усеянное бисеринками пота, будто росой, и сунул ей обратно в руку.

Асю ничуть не смутило поведение друга, на взгляд постороннего человека довольно бесцеремонное, наоборот она потянулась к Диме и смахнула остатки влаги с его виска.

– Потерпи немного, у Юльки предчувствие, что она до полудня встретит его... долгожданного принца, – при этих словах Ася ехидно хихикнула. – Давай постоим ещё немного.

– Уже час торчим, будто три тополя на Плющихе, – буркнул Дима. Ох уж эти предчувствия. Самое интересное, что они часто сбывались.

Глаза Юли горели от нетерпения и ожидания, она вертела головой чуть ли не на триста шестьдесят градусов, пытаясь не пропустить появления парня, увиденного лишь однажды. Юля обладала одной особенностью, чем-то вроде внутреннего радара, прямо как у летучих мышей. Непонятным образом, но она могла найти нужного ей человека, стоило лишь на него настроиться. Несмотря на невысокий рост, метр шестьдесят, Юля имела ладную фигурку, всё в меру и как надо, но на этом её обычность и заканчивалась. Цвет её волос определялся с трудом: в солнечную погоду они казались светло-русыми, в пасмурную приобретали чайный оттенок, а глаза и вовсе имели два цвета, ближе к зрачку наблюдалась синева, к внешнему краю радужки проявлялась зелень. Если Юля наряжалась в одежду синего цвета, всем казалось, что у неё синие глаза, стоило надеть что-то в оттенках травы, цвет глаз будто подстраивался под наряд. От отца ей достались прямые, будто нарисованные чёрные брови, от – матери яркие, словно вишни, губы.

От созерцания привычного облика подруги Диму отвлёк насмешливый шёпот Аси.

– Юлька, стой смиренно и не таращись. Слышишь цокот копыт – твой принц катит по аллее свои пожитки.

Димка усмехнулся, этот своеобразный стук издавали колёсики чемодана, подскакивающие на неровностях дорожки из бетонной плитки.

Юля, будто деревянный истукан, медленно повернула голову и посмотрела на Холодова. На его спутника она не обратила никакого внимания.

– Эй, я же сказала: не таращиться, – прошептала Ася, больно ущипнув подругу. – Прекрати так глядеть, даже мне неловко становится.

Юля, очнувшись, отвела глаза в сторону. Впрочем, Холодов совершенно не обратил внимания на троицу, торчащую на ступеньках перед общежитием, и невозмутимо прошагал мимо, катя свой чемодан. Юля провожала Гая взглядом до тех пор, пока он не скрылся за дверью соседнего общежития, лишь тогда, заметно повеселев, заявила:

– Теперь я знаю, где он живёт. Осталось за малым: познакомиться с ним. Ну что, пошли устраиваться? Дим, поможешь? А потом мы тебя сопроводим в твою общагу.

– Куда же вы без меня, – вздохнул Дмитрий. – Всё же я считаю не очень хорошей идеей поселиться в общежитии. Разве нам на квартире плохо жилось? Хотя... тут, будто в парке находишься, аллеи из платанов и лип, пешеходные и велосипедные дорожки. Есть стадион. По утрам будем заниматься физкультурой.

Он не хотел признаваться, что боялся перемен. Подруги детства потихоньку начали отдаляться от него. Будучи единственными детьми в своих семьях, Дима, Ася и Юля стали близкими друг другу людьми, пожалуй, даже ближе, чем кровные братья и сестры, ведь им не приходилось конкурировать за любовь родителей, как это иногда бывает. Взрослея, они вместе познавали мир, деля между собой и удачи, и неприятности. До определённого момента в свой узкий круг они редко допускали чужаков, им хватало общения между собой, но время от времени к их троице кто-нибудь ненадолго примыкал.

Девчонкам досталась комната на три человека, небольшая, но светлая с широким окном, выходящим на южную сторону. Соседки в комнате не оказалось. На одной из кроватей они обнаружили листок, на котором по пунктам излагались правила проживания:

«Продукты в холодильнике должны быть подписаны. Обувь хранить только в обувнице. Вещи должны лежать либо на полке в шифоньере, либо в тумбочке, на подоконник ничего не класть. Соблюдать порядок и чистоту в помещении. Влажная уборка комнаты ежедневно по очереди. Готовить только на кухне!»

Прочитав инструкцию пока ещё незнакомой соседки, Ася кивнула.

– В принципе ничего такого она не написала. Только бы не храпела.

Юля хмыкнула.

– Ага, нам одной храпуни хватает.

– Я храплю, когда переем, – парировала Ася. – А так сплю, как младенец.

Дима пристроил чемоданы и сумки у стены, обошёл комнату, выглянул в окно.

– Отсюда хорошо просматривается общежитие филологов. Вот бы ещё окна моей комнаты смотрели на вашу, тогда бы могли подавать друг другу сигналы. Ась, дай косынку.

Ася сняла с шеи шёлковую бирюзовую косынку и подала Диме. Он повязал её за ручку фрамуги.

– Теперь я ваше окошко отыщу. Девчонки, я пошёл к себе. Встретимся через час. Вам хватит времени распаковаться?

Юля покачала головой.

Ася поддержала её.

– Через два. Нужно оглядеться в общежитии.

Так как продуктов пока не имелось, в холодильник ничего класть не пришлось. Освободив чемоданы от вещей, заправив кровати постельным бельём, подруги быстро навели порядок в комнате. Захватив банные принадлежности, отправились на поиски душа. Оказалось, их комната относится к блоку из шести комнат. В блок входила кухня и две душевые. В коридоре на доске объявлений висело расписание уборки хозяйственных помещений. Их пятьдесят пятая убиралась последней.

– А мне здесь нравится, – заключила Ася. – На кухне для каждой комнаты столик и шкафчик выделен, есть где хранить кастрюльки и сковороды. – Она посмотрела на часы. – Поторопимся. У нас полчаса осталось.

Они успели вовремя, выскочили из дверей общежития за минуту до назначенного времени, но Дима уже ждал их на лавочке.

– Молодца, хорошо я вас воспитал, опаздывать перестали.

Ася легонько щёлкнула друга по уху.

– Воспитатель нашёлся. Ну как, отыскал наше окно по косынке?

– Не поверите, но это сработало. Немного ветки платана мешают, но разглядеть ваше окошко можно. – Он встал с лавочки, деловито поинтересовался: – Какие продукты покупать будем? Кстати, в студенческом городке открылась новая столовая, а ещё имеются две кафешки. Может, посмотрим, чем там кормят и сколько это стоит.

Действительно, одноэтажное здание столовой радовало современным видом, а из-за огромных окон напоминало аквариум, наполненный людьми-рыбками. Оно располагалось внутри квадрата, составленного из четырех общежитий разных факультетов. Две небольших кафешки прилепились к большой столовой с обеих сторон, будто детки к дородной матери. Оказалось, столовая открыта с семи утра и до девятнадцати вечера, а цены вполне подъёмны для тощего кармана студента. Меню в кафе было поинтереснее, но зато намного дороже. Посоветовавшись и подсчитав расходы, друзья решили завтракать и обедать в столовой, а ужинать как получится.

– Ась, я буду скучать по твоей готовке, – понурился Дима, сообразив, что ближайшие два с половиной года придётся питаться столовской едой.

Ася ласково провела по русой голове друга.

– Не страдай, Бережок, иногда я буду баловать тебя своей готовкой.

Дима, шутливо смахнув со щеки невидимую слезу, поклонился благодетельнице.

– Ловлю на слове.

Первые два года учёбы друзья жили на съёмной квартире, еду обычно готовила Ася. Юля и Дима служили у неё лишь на подхвате. Ася с детства любила кашеварить и делала это с

огромным удовольствием. Глядя на её шикарную фигуру и яркую внешность, большинство людей считало её гордой и заносчивой, но на самом деле Ася была хозяйственной, доброй и неконфликтной девушкой. После знакомства со студенческим городком друзья приобрели в магазине сыр, колбасу, яйца и овощи для вечернего перекуса. Обратный путь на новое место жительства занял меньше времени.

– Я буду скучать по нашим вечерним посиделкам, – печалился Дима, сообразив, что теперь будет меньше времени проводить с подружками детства.

Ася покровительственно обняла его за плечи.

– Не грусти, Бережок, это к лучшему: надо постепенно отвыкать друг от друга. Мы уже на третьем курсе. Кто знает, вдруг ты скоро женишься или я выйду замуж. Сомневаюсь, что наши избранники позволят нам общаться по-прежнему, вряд ли разрешат проводить много времени вместе. Ведь почти никто не верит в дружбу между мужчиной и женщиной.

– Это точно. Мои однокурсники думают, что я вам обоим головы вскружил.

Слушая их разговор, Юлька громко возмутилась:

– Эй! Я не понимаю. Ася, значит, выйдет замуж, Димка женится. А я? Про меня забыли? Решили, меня никто замуж не возьмёт?

Ася, переложив пакет с продуктами в другую руку, ехидно заметила.

– Судя по первому впечатлению от твоего избранника, будешь ты эту ледяную скалу штурмовать до скончания века.

Дима согласно покивал.

– Ага, первое впечатление обычно самое верное. Он точно соответствует своей фамилии: Холодов. Кстати, Юль, ты сразу при первой же встрече собираешься ему в чувствах признаться или повременишь?

– Я ещё не сошла с ума. Это только в кино показывают: мол, лучше форсировать события. В жизни нет ничего глупее, чем признаваться в симпатии, не зная, как человек к этому отнесётся. Это значит поставить его и себя в глупейшее положение. Дим, только представь, тебе признаётся в любви девушка, которую ты едва знаешь. Что ты будешь делать?

Дмитрий подкинул носком туфли камешек, попавшийся под ногу.

– Понятия не имею, но чувствовать буду себя неловко. Приятно, конечно, быть чьей-то любовью, но что смогу ответить? Извини, но я к тебе пока ничего не испытываю.

Юля покосилась на вспыхнувшие фонари. Липовая аллея, освещённая ярким светом, сразу стала нарядной.

– Вы должны сохранить мой секрет. Я призналась, что мне нравится Холодов, вам, моим близким друзьям, потому что доверяю.

Дима поднял брови.

– Тогда что ты собираешься делать?

– Думаю, невзначай попадаться ему на глаза. Или подстроить так, чтобы он обратил на меня внимание. А дальше как повезёт. Если я ему понравлюсь, первый шаг должен сделать он. В конце концов почти каждый мужчина охотник и захватчик. Разве я не права, Бережок?

Дима заглянул Юле в лицо. Её блестящие глаза выдавали волнение. «Чёрт. Угораздило же её влюбиться неизвестно в кого».

– Права. Мужчины не любят навязчивых девушек. Приятнее добиваться любимую самому.

Ася фыркнула.

– Не скажи. Некоторые представители сильного пола готовы сдать по первому зову, стоит только пальцем поманить. Юль, а что ты будешь делать, если он не обратит на тебя внимания.

Юля вздохнула.

– Значит, мне не повезло: я вляпалась в безответную любовь. Но знаете, жалеть не стану. После того, как я встретила Холодова, пусть это прозвучит банально, но у меня такое чувство, будто я прозрела: краски стали ярче, звуки сочнее, а мир интереснее. И я сама изменилась, словно за спиной крылья выросли, чувствую себя живой и счастливой.

Дима и Ася переглянулись. И это говорит Юля, которая ни в школе, ни в институте не обращала внимания на парней, всегда держала их лишь за друзей.

Дмитрий ухмыльнулся:

– Действительно, банально. Была слепой и глухой, а теперь зрение, как у орла, и слух, как у летучей мыши.

Юля, фыркнув, с угрозой в голосе осведомилась:

– Давно от меня не получал?

Свободной рукой Дима схватил её за руку.

– Ой, как я испугался. И кто это грозит мне тут худенькой лапкой.

Юля вырвала кисть из ладони друга, сунула пакет с продуктами Асе. Подпрыгнув, как обезьяна, повисла на спине Димы, обхватив его ногами за талию. Он закружился, пытаясь скинуть Юлю с себя. Но годы тренировки не прошли даром, она, будто плющ на отвесной скале, цепко держалась за его спину. Ася скептически глядела на друзей: иногда они забывали, что уже не дети. На чужой взгляд эти игрища смотрелись весьма забавно и странно. Пока велико-возрастные детки забавлялись, на аллее показался Холодов и незнакомый парень. Ася ахнула и, расставив руки с сумками в стороны, постаралась телом прикрыть дурачащихся друзей.

– Быстро прекратите. Юлька, там твой Принц...

Юля отпустила шею Димы и, неловко спрыгнув, шлёпнулась пятой точкой на бетонную плитку. Холодов, проходя мимо сидящей девушки, покосился на её пылающую от смущения физиономию.

«Детский сад какой-то. Девушка явно отбила себе мягкое место. Какие у них тупые и травматичные забавы. Терпеть не могу таких невоспитанных девиц».

– Ась, он же не видел, как я на Димке каталась? – отряхивая джинсы и кривясь от боли, пробормотала Юля.

– К сожалению, всё отлично разглядел: вы же под фонарём веселились.

Глава 2

Юля, захлопнув дверь в кладовку, забилась в самый дальний угол и плотно прижала ладони к ушам. Нужно просто перетерпеть, дожидаться, пока родители перестанут ссориться и крики матери утихнут. Её громкий, пронзительный голос, казалось, беспрепятственно проникал через тонкую фанерную дверь, через маленькие ладошки шестилетней девочки и вонзался в мозг. Она всё ниже и ниже наклоняла голову, пока та не коснулась коленей, прижатых к груди. Сейчас Юля напоминала эмбрион, старающийся спрятаться от холодного злого мира в свою личную капсулу. В кладовке остро пахло пылью, мышами и кислой капустой. С лета в эту маленькую комнатку сносились заготовки на зиму: трехлитровые банки с огурцами и помидорами, пол-литровые с вареньем и джемами, сюда же осенью ставилась небольшая бочка с капустой. Запах кладовой стал для девочки знаком беды и опасности. Ощувив, как что-то ползёт по шее, Юля тихо взвизгнула. Смахнув насекомое на пол, она с ужасом уставилась на крупного паука. Тот, перебирая тонкими длинными лапками, ловко взобрался на полку с банками и нырнул в спасительную тень. Юля прислушалась – звуки ссоры стихли, раздавался лишь едва слышный плач матери и успокаивающий чуть рокочущий голос отца. Девочка вздохнула, надо ещё немного подождать: сейчас родители отправятся в спальню и закроют за собой дверь на замок. Почему они ругались открыто, а мириться предпочитали наедине, она не понимала. Раньше Юля не раз бросалась на защиту матери, хватала отца за ноги, плакала, умоляла их не кричать друг на друга. Но в пылу разборок родители не обращали на неё внимания – девочка походила на кеглю, которая перекатываясь по комнате, лишь мешалась под их ногами. Иногда ссоры происходили с битьем посуды, опрокидыванием стульев, разрыванием рубашек на отце и платьев на матери. Однажды Юле осколком тарелки рассекло лоб, испуганные родители бросились к ней, но как только убедились, что не произошло ничего страшного, ссора вспыхнула с новой силой. Юля уселась на диван и посмотрела на себя в зеркало, висящее на противоположной стене комнаты, – со лба на нос и щёки, на белую футболку стекала кровь. Эта картина надолго врезалась девочке в память: вопящие родители и её лицо в алых потёках крови. Прокричавшись, родители скрылись в спальне, а она осталась одна. Время от времени слизывая соленоватую жидкость, попадающую на губы, Юля, не отрываясь, глядела в заворожившее её зеркало. Впервые в своей маленькой жизни она ощутила безмерное одиночество, наполнившее всё её существо неясной тоской. В ушах зазвенело, звуки исчезли, наступила полная тишина, будто Юлю, словно стеклянную ёлочную игрушку, обложили ватой. Когда помирившиеся и довольные собой родители вышли из спальни, они застали дочь, сидящую неподвижно с лицом и грудью, залитыми кровью. Пришлось ехать в больницу, только там врачи смогли остановить кровь из пореза на лбу девочки. Недоумевающим родителям медики посоветовали проверить кровь дочери на свёртываемость. Юля выслушала от родителей огромное количество извинений и уверений в любви, она их простила, но после этого случая стала убегать в кладовую, стоило только их ссоре разгореться. А они происходили регулярно, при каждом возвращении отца из рейса. Дамир Леванович трудился на железной дороге машинистом электровоза, водил поезд по маршруту Краснодар-Ленинград и часто отсутствовал дома. Скандал начинался сразу по приезде отца, по любой, даже самой мелкой причине. Юля долго не понимала, что остановить сложившийся ритуал ссоры родителей просто невозможно и по наивности старательно исправляла те недочёты в быту, за которые он мог прицепиться к матери. Она, подставляя стул, вытирала пыль на подоконниках: маме один раз за это попало. Помня об упреках отца за грязную посуду, как умела, мыла её в раковине, пыхтя, расставляла тарелки в сушилке, до которой едва могла дотянуться. Неумело складывала выстиранное бельё по шкафам, таскала

по комнатам неподъёмный для неё пылесос. На все её уговоры подготовиться к приезду отца, мама со странной улыбкой блаженной дурочки отвечала:

– Не вижу смысла. Всё равно Дамир найдёт, за что придраться. Ему бы только показать, кто вожак в семье и где моё место.

В ожидании мужа она приводила себя в порядок, наносила макияж, делала причёску, надевала красивую одежду. От просьб Юли навести порядок в доме просто отмахивалась. Елена вовсе не была плохой хозяйкой, пока Дамир находился в отъезде, квартира содержалась нормально, и лишь перед его возвращением она немного отстранялась от домашних забот. Совершенно не обращая внимания на потуги маленькой дочери убраться в квартире, она будто специально подготавливала поводы к ссоре. Как ни старалась Юля, отец всегда находил предлог к скандалу, и всё заканчивалось как обычно. Постепенно это вошло в ритуал, расстраивающий её и сбивающий с толку. Сначала отец ласково обнимал и целовал дочь, говорил, как соскучился по своей крошке-принцессе, дарил подарки, коротко рассказывал о поездке. Пока он говорил, то не сводил блестящих чёрных глаз с лица жены, с её порозовевших щёк, алого рта. Как только Юля замечала эти странные переглядывания родителей, в её душе начинала нарастать паника: в этот раз снова не получится остановить скандал. Как сдвинувшиеся с места камни дают начало лавине, так эти взгляды служили искрами к будущей ссоре. Отец снимал Юлю с колен и начинал прохаживаться по комнате. В такие минуты он напоминал опасного хищника, готовящегося наброситься на ничего не подозревающую жертву. Этому впечатлению способствовала и яркая внешность отца: крупный нос с горбинкой, большие тёмно-карие глаза, острые скулы, крепкий подбородок. Мама же, как нельзя лучше подходила на роль добычи для этого хищника: небольшого роста с какой-то приятной, почти детской, полнотой, нежная, белокурая, с беспомощным, чуть лукавым взглядом прозрачных голубых глаз. Начиналось всё неожиданно и без раскочки. Отец тыкал пальцем в найденный им беспорядок и громко вопрошал:

– Я так понимаю, что моей жёнушке, дорогой Елене Николаевне, некогда заниматься домом? А всё почему? Потому, что ты глупая и ленивая идиотка!

У матери мгновенно вскипали слёзы в глазах, она несколько театрально заламывала руки и начинала оправдываться. Юля, ощущая нарастающий звон в ушах, убегала в спасительную темноту кладовой и сидела там, пока за ней не приходил кто-то из родителей. К её удивлению после всех криков, слёз и оскорблений они быстро помирились. Выплеснув всю грязь и недовольство наружу, получали спокойствие и удовлетворение. Они не понимали, почему их дочь молчалива и расстроена, ведь её никто не обижал. Это было правдой, отец ни разу не сказал Юле плохого слова и не поднял на неё руку, но она всё равно чувствовала себя преданной.

Подрастая, она осознала, что не способна изменить или исправить отношения родителей. Все просьбы и уговоры Юли не принимать оскорбления отца покорно, не быть рохлей, мать не принимала и просто начинала плакать.

– Ты такая же жестокая, как отец и совершенно не понимаешь мою тонкую душевную организацию и слабую натуру.

Юля не раз слышала, как после ссор мама звонила по телефону своим подругам, по соседительству матерям Аси и Димы, и долго жаловалась на неблагодарную, безжалостную дочь и сурового мужа.

Взрослея, Юля поняла, что эти нездоровые отношения родителей как раз их вполне устраивают. Как-то она заметила хитрую и довольную улыбку матери, когда та тихим голосом рассказывала тёте Тоне по телефону, как обижал её муж. От слов сочувствия и поддержки на лице матери появилось выражение довольства и блаженства. В тот момент Юля наконец раскусила мать, она с удовольствием изображала жертву, буквально наслаждалась этой ролью. Понаблюдав за отцом, Юля разобралась и в его роли: всемогущего владыки дома. Будучи от природы властным и неуравновешенным человеком, он ощущал себя повелителем своей жены:

слабой, не слишком умной, но очень привлекательной женщины. Родителям настолько нравилась эта игра, что они не желали задуматься, как их эгоистичное поведение может повлиять на характер Юли.

Но, даже разобравшись в поведении родителей, Юля не смогла принять их роли. Её напрягали токсичные, ненормальные отношения: трудно привыкнуть к скандалам, ранящим до глубины души.

Со временем она почти свыклась с обстановкой в семье и как только родители начинали ссориться, просто уходила из дому к друзьям. Дима и Ася всегда были готовы выслушать и помочь, с ними она отдыхала душой. Рассудительная и спокойная Ася, весёлый, неунывающий Димка заряжали эмоциональную и чувствительную Юлю энергией. Благодаря друзьям она выросла более или менее выдержанным человеком. Но и повзрослев, Юля плохо переносила звуки скандалов и разборок: у неё сразу начинало звенеть в ушах. Поэтому она избегала ссориться с кем-либо, всегда старалась разрешить конфликт миром.

После одного происшествия в семье Юля перестала есть мороженое. В раннем детстве у неё часто воспалялось горло, и, обычное для большинства детей лакомство, она получала редко, но в ту субботу, запомнившуюся надолго, мама обещала после завтрака отрезать кусочек от большой пачки пломбира. Юля доела рисовую кашу, запила её киселём.

– Мамочка, я всё съела. Можно мне теперь мороженое?

Мать, стоя у окна, говорила с кем-то по телефону. На слова дочери не обратила никакого внимания. Юля позвала её несколько раз, но результат оказался тем же. Тогда она слезла с высокого для семилетней девочки стула и направилась к холодильнику, намериваясь взять немного обещанного лакомства. Она успела лишь открыть морозильную камеру, как позади неё раздался крик возмущения.

– Неправда! Я не верю в это. Дамир никогда так не поступит со мной. Лжёшь. Ты просто завидуешь мне.

Юля испуганно замерла возле холодильника, потом настороженно посмотрела на мать. Она узнала знакомые истеричные нотки в голосе матери. И это было странно, так мама орала лишь в присутствии отца, но сейчас его здесь не имелось.

– Ты зачем открыла морозилку без разрешения и торчишь там? – приблизилась к ней мать.

Юля заметила, что лицо мамы стало злым, покрылось алыми пятнами, а в глазах заблестели слёзы.

– Я хотела взять чуточку мороженого, – пробормотала она.

– А подождать никак! Если пожелаю его получить, то надо подать немедленно? Ты такая же, как отец. Эгоистка! Я для вас всего лишь домработница, кухарка и служанка. Никакого ко мне уважения.

Мать схватила дочь за руку и, больно дёрнув, потащила к столу.

– Садись. Сейчас получишь своё мороженое!

Юля влезла на стул и прижала сжатые кулачки к колотящемуся сердцу. Она не понимала, почему так разозлилась мама и уже хотела отказаться от лакомства.

– Я не буду...

– Что!? Издеваешься? Ныла, не давала нормально говорить по телефону, а теперь отказываешься, – мама шлёпнула перед ней тарелку с мороженым, сунула в руку чайную ложку. – Ешь!

Юля, сглотнув слюну, без удовольствия принялась есть. Когда она закончила, мама положила в тарелку ещё кусок пломбира.

– Ешь! Ешь, сколько влезет. В другой раз не будешь мешать, когда взрослый человек занят.

Горло у Юли перехватил спазм, она едва слышно прошептала:

– Мне больше не хочется.

Мать, схватив ложку, зачерпнула мороженое и сунула дочери в рот.

– Я сказала, ешь! Хочу, чтобы ты надолго наелась. Или ты как твой папаша меня ни грамма не уважаешь?

Юля не понимала, как лакомство и уважение связаны между собой. Мама нависла над столом и смотрела на неё яростным взглядом. Давясь, Юля с трудом осилила не успевшее растаять мороженое, оно застревало у неё в горле и камнем падало в желудок. Едва она доела, как мать достала из морозилки остаток пломбира и бросила замороженный кусок на тарелку.

– Сегодня у тебя праздник. Веселись! Доедай всё.

– Я больше не хочу, – воспротивилась Юля, чувствуя, как онемело горло, а желудок сотрясают рвотные позывы.

– Больше я не потерплю непослушания. Хватит того, что перед твоим отцом пресмыкаюсь. Ешь, говорю!

Юля, пересиливая себя, проглотила пару ложек, а потом её резко затошнило, изо рта белым фонтаном полилось съеденное мороженое. Рвотная масса забрызгала стол, платье, попала на пол. Юлю рвало долго. Перепуганная мама отнесла её в ванную, выкупала и, плача, попросила прощения.

– Извини, доченька. Ты не виновата. Я не на тебя разозлилась. Мне знакомая кое-что плохое про папу рассказала. Я сильно расстроилась. Ты же знаешь, я без твоего отца жить не могу. Сама ничего не умею и ни на что не способна. Он для меня всё.

Конечно, Юля простила мать, но с тех пор мороженое не переносила и на дух, при одном виде этого лакомства её начинало подташнивать. Она осознала: даже милый и слабый человек может внезапно стать жестоким. Мама Юли настолько боялась перемен в обеспеченной и полностью устраивающей её жизни, что после анонимного звонка будто обезумела, перестав себя контролировать.

Будучи старше, Юля узнала: мама вышла замуж, когда ей исполнилось восемнадцать лет, а в девятнадцать уже родила. Получается, едва окончив школу, стала мамой. А так как была немного инфантильной, то поплыла по течению жизни, полностью полагаясь на двадцатишестилетнего мужа. Впрочем, её устраивало такое положение, особой тяги к учёбе не имелось, желания работать где-либо тоже. Изредка её томили непонятные желания, появлялось неудовольствие, которое она с успехом выплёскивала в стычках и ссорах.

Удивительно, но у этих двоих, таких разных людей, родился весьма позитивный ребёнок. Юля не держала на сердце обид, быстро приходила в себя после скандалов родителей и, в общем-то, была веселым, светлым ребёнком. Но если бы не дружба с Асей и Димой ей бы пришлось туго.

Глава 3

– Рассказывай, – Тоня, удобнее устроилась на лавочке, на её губах появилась и сразу же исчезла довольная улыбка. Быстро изобразив сочувствие и внимание, она повернулась к Елене. – Неужели наорал на тебя из-за одной нечищенной кастрюли? – Она покосилась на сына, тот спокойно набирал в ведёрко песок.

Елена, шмыгнув носом, всхлипнула и потянулась за платком. Элегантным жестом, чтобы не растереть водостойкий макияж, осторожно промокнула глаза.

– Так и есть. Прямо не знаю, как ему угодить, – она покосилась на дочь, играющую в песочнице с Димой и Асей. Снова её Юлька выглядит замарашкой, волосы растрепались, на щеке грязный пыльный след, а цвет белых носочков, претерпев изменения, стал серым. Интересно, почему дочка Вики Ася, которая так же строит замок из песка, умудряется сохранить себя в чистоте? А ведь Вика давно забросила всякое воспитание, доверив это дело матери, Марии Олеговне.

– Ох, и не говори, мужикам угодить трудно, – кивнула Тоня. Увидев, что сын собирается высыпать ведёрко песка на голову Юли, крикнула: – Димка, перестань сейчас же! Песок попадёт в глаза, и она ослепнет.

Шестилетний Дима испуганно вздрогнул от громкого окрика и уронил ведро себе на ногу.

Бабушка Маша, сидящая на лавочке чуть поодаль от молодых мам, очнувшись от дремоты, недовольно пробурчала:

– Чего орёшь, как потерпевшая. Подошла бы и объяснила сыну нормально, а то за глупой болтовнёй некогда и к ребёнку приблизиться. Аська полночи не спала: болел зуб. Я только-только прикорнула, а тут ты пожарной сиреной завопила.

Мария Олеговна зевнула.

«Ох, и глупые подружки у Вики. Впрочем, её дочурка ничем не лучше. Повыскакивали замуж рано, родили по одному ребёнку и чуть ли не за подвиг это считают. Белобрысая Ленка вечно на мужа жалуется, а сама холёная, ухоженная, нигде не работает, но постоянно в обновлениях. А Тоньке не учителем бы начальных классов работать, а репортёром в жёлтой газетёнке промышлять: всё свободное время новости и сплетни собирает».

Мария Олеговна скептически оглядела обеих молодых мам. Она не считала их ровней себе, поэтому редко вступала с ними в беседу. Обычно вязала или читала книгу, нацепив очки с толстыми стёклами. Да и о чём ей говорить с этими балаболками. Она как проклятая пахала на железной дороге в путевой бригаде. А в жару, и в холод по рельсам так находишься, что к вечеру ног под собой не чувствуешь – не до маникюров и украшений. И замуж поздно вышла, и дочку только в сорок лет родила, и счастьем семейным не успела насладиться. Так о чём ей с этими профурсетками, не знающими бед, разговаривать. Мария Олеговна невидящим взором окинула детскую площадку, единственную на всю тупиковую улочку. Площадкой для игр её можно было назвать с большой натяжкой, на пяточке между домами поставили турник и детские качели. Потом Дамир привёз кучку песка и высыпал между двух лавочек. Вот и вся площадка. Но малышня с удовольствием осваивала гору песка, строя то замки, то дороги для игрушечных машинок.

– Вика опять в рейсе? – поинтересовалась Тоня, не обращая внимания на недовольный вид Марии Олеговны. – У вас, говорят, новый зять появился?

Бабушка Маша тяжело вздохнула.

– Появился. Очередной бесполезный хмырь. Где только Вика их находит? Дурной вкус у доченьки, как идиотка на граблях топчется.

Глаза Тони заблестели от предвкушения: её любимое хобби и развлечение – узнавать новости о друзьях и знакомых. Так она ощущала причастность к судьбе других и мнила себя знатоком жизни.

Вика, оставив дочку на воспитание матери, работала проводницей. Мужчины в её жизни менялись регулярно, но отчего-то все были неустроенными, неухоженными, с заморочками, однако, с большим самомнением. Она их обогревала, одевала, давала кров над головой, вернее подкидывала матери, и делала безуспешные попытки устроить непризнанных гениев на работу. Какое-то время, поставив очередного любезного друга на пьедестал, любовалась им, порхала на крыльях любви, строила планы на будущее. Как только заласканный «гений» отогрелся, он начинал вести себя как хозяин, но вот вносить свой материальный вклад в новую семью не собирался. Постепенно у Вики открывались глаза, вместо гения рядом с собой она обнаруживала ленивую посредственность. Самое интересное, что глядя на свеженького кавалера, все это сразу понимали, но только не она. Вика никого не слушала и с упорством асфальтового катка двигалась вперёд, сметая на пути очередной любви все преграды.

– Вдруг на этот раз будет по-другому и моей подруженьке наконец повезёт, – заявила Тоня, совершенно не веря в то, что говорит.

– Повезёт, когда она будет выбирать нормальных мужиков, а не чмошников-лодырей, умеющих только красиво разглагольствовать. Как началось с Асиного папаши неудачника, так и движется до сих пор.

Вика вышла замуж за однокурсника сразу после окончания железнодорожного техникума, но прожив с ним всего год, подала на развод. На память о первом браке осталась дочка Ася, впрочем, двадцатилетняя мать не пожелала ею себя обременять. К счастью, Мария Олеговна на тот момент уже вышла на пенсию и могла посвятить себя внучке. Теперь вместо Вики она выводила Асю к её малолетним друзьям. Елена и Тоня не возражали, они давно заметили, что дети не мешают взрослым общаться и хорошо играют лишь втроём. Как только одного ребёнка не хватало, малыши начинали капризничать. Иногда бабушка Маша оставляла Асю, а сама уходила по делам.

– Очень жаль, что Вике попадают одни уроды. Трудно в наше время найти хорошего мужчину, – задумчиво произнесла Елена, молча, слушавшая разговор подруги с Марией Олеговной.

Бабушка Маша хмыкнула:

– Особенно если нормальные почему-то не устраивают, а нравятся только придурки.

Тоня ощутила удовлетворение. «Вот у меня-то как раз всё отлично. Нормальный муж, а не злобный придира, как у Ленки, или прилипалы-иждивенцы, как у Вики».

Диме всё-таки удалось осуществить свой план: высыпать ведёрко песка на голову Юли. Елена повела дочь отмывать, остальным тоже пришлось возвращаться в родные пенаты: дети отказывались продолжать игру в неполном составе. Тоня, взяв сына за руку, с неохотой поплелась домой. В квартире она умирала со скуки: всё самое интересное, по её мнению, происходило на улице. А до вечера, когда начнётся любимый сериал или захватывающее ток-шоу, оставалось ещё много времени.

Дима уже жалел, что поддался на уговоры Юли и высыпал на неё песок. Сам бы он никогда так не сделал, но у подружки постоянно возникали невообразимые для него идеи. Ей хотелось узнать, чем отличается падающий песок от льющейся воды: звуком, ощущением или чем-то ещё. Но в результате всем пришлось отправиться по домам, а он этого очень не желал: одному неинтересно. Мама начнёт болтать по телефону или усядется смотреть телевизор. Когда придёт папа, веселее не станет. Он поужинает и монотонным голосом станет задавать ему вопросы о прошедшем дне. Даже совсем маленьким Дима понимал: отец делает так просто по обязанности, на самом деле толком не слушает его. Поговорив немного, отец изрекал прописные истины и, сочтя миссию воспитания выполненной, укладывался на диван отдыхать.

Он мог спать по четырнадцать часов, это было его самым любимым занятием. Ему не мешал шум или звук работающего телевизора, скорее всего они его лишь убаюкивали. Дома Диме было невообразимо тоскливо и скучно, мир оживал, наполнялся увлекательными звуками и становился разноцветным, только когда он находился вместе с Юлей и Асей. Сколько себя помнил Дима, девочки всегда были рядом, он не представлял своей жизни без них. В их тройственном союзе Юлька являлась генератором идей, решала, чем будут заниматься, а он находил способ, как её задумку выполнить. Ася, обладая терпением и усидчивостью, показывала, как всё осуществить на деле. Бывало, Юля сообщала: сегодня они будут делать горную дорогу с тоннелями и мостами. Потом она, ловко взобравшись на кучу песка, схематично рисовала прутиком, где пройдёт дорога, где расположится тоннель или мост. Дима сразу прикидывал, откуда принести дощечки, камешки и отправлялся за ними. Втроём они с увлечением начинали стройку. Юля выдыхалась первой, потом сдавался он, Ася же, как обычно, доделывала одна, доводя до совершенства. Иногда Дима удивлялся, откуда у Юли столько задумок, будто в голову ей кто-то встроил неиссякаемый источник идей. Воодушевить её могло что угодно. Они слушали, как растёт трава, чем пахнут лужи, запускали по ручью кораблики из листьев, пытались определить, как далеко летят одуванчики, считали количество чешуек в серёжках берёз, раскрашивали кошек, Дима просто не мог запомнить, всё, что они делали. Если они играли в семью, то Юля, как самая мелкая среди них, всегда была ребёнком, а они её родителями. Дима и Ася настолько привыкли опекать подругу, что став старше невольно продолжили это делать. В школе многое из того, чем они занимались, очень пригодилось. Их трио всегда занимало первые места в конкурсах гербариев и осенних букетов, а также в лепке и рисунке. Только Юля могла для осеннего букета взять колючки гледичии, соединить их, поместив внутрь белую полураспустившуюся розу и назвать композицию «Спасение». На вопрос Аси, почему такое название? Она, пожав плечами, ответила:

- Я так вижу. Чтобы защитить себя, мы выпускаем колючки.
- Но тут колючки внутрь направлены, – удивлялась Ася.
- А разве нам не больно, когда раним других?

Ася вздохнула, иногда она совершенно не понимала подругу, временами Юля казалась незнакомкой: выглядела умнее и мудрее.

Лишь ей могло прийти в голову вырезать из сахарной свеклы – недолговечные скульптуры, а из высушенных лепестков роз шить наряды для кукольной коллекции. В детском садике, а потом и в школе посторонние в их дружную компанию допускались редко, им вполне хватало общения друг с другом. Изменения начались, когда им исполнилось по двенадцать лет. Ася вдруг принялась резво расти, обогнала Диму и Юлю на голову. В отличие от худенькой подруги Ася стала быстро оформляться, выросла пока ещё небольшая грудь, начались месячные. У девочек от Димки появились первые секреты. Но они скрывали их так неумело, что ему приходилось делать вид, будто он ни о чём не догадывается. В пору взросления Ася входила естественно, изменения в себе и своём теле принимала спокойно. Взросление же Юли отставало от Аси на два года, только к четырнадцати годам из девочки она начала превращаться в девушку. Юля то и дело совершала ошибки, заставляя друзей волноваться за неё. Она забывала взять прокладки, выпить обезболивающие таблетки, а это было необходимо, так как месячные проходили у неё очень болезненно и тяжело. Зачастую она стеснялась сообщить учителю физкультуры о своём недомогании. Дима так привык заботиться о Юле, что стал носить в рюкзаке пачку прокладок и таблетки на непредвиденный случай: вечно у неё всё начиналось неожиданно и не в срок. Если Ася оказывалась не способной спасти Юлю при очередном форс-мажоре, он молча отдавал приготовленный пакет. В девятом классе возникли другие проблемы: если Юля выглядела нежно и трогательно, то Ася своими рано созревшими формами буквально завораживала мальчишек, находившихся в опасном пубертатном периоде. Он отчаянно защищал её, вступая в драки, если кто-то отзывался о подруге оскорбительно.

Хрупкая Юля тоже отстаивала честь Аси, не позволяя говорить о ней плохо. Впрочем, Ася и сама могла постоять за себя, она так ловко отвергала очередного поклонника, что он на неё не обижался. Однажды Юля поинтересовалась у подруги:

– Тебе кто-нибудь нравится?

Ася усмехнулась, поправила кофточку на пышной груди.

– Если и нравится, я не собираюсь заводить отношения в школе, начну встречаться в институте на последнем курсе. Выберу спутника жизни раз и навсегда. Не желаю как моя мама портить себе жизнь, заводя кучу бессмысленных романов. Ты не представляешь, как мне это надоело. Благодаря мамочке я видела разных по внешности и характеру мужиков, но ни на одного из них нельзя было положиться или хотя бы уважать. Мама вначале обожала каждого, я видела её нежничанье и воркование с ними. Мне же ласкового слова от неё не досталось. Знаешь, Юль, мне неприятно даже думать о поцелуях, не говоря уж об интимной стороне жизни. Я мечтаю встретить надёжного и верного мужчину, который не предаст и не будет бояться трудностей. Зачем мне эти мальчишки одноклассники, я прекрасно знаю, о чём они думают, глядя на меня. От их грязных мыслей только злость и досада берёт. Лучше бы я плоской доской уродилась. Может, тогда бы не только мою внешность замечали. Ты вот своим воздушным видом вызываешь романтические чувства, а я несколько иные. Думаешь, я этого не знаю?

Юля хмыкнула.

– Трудно не знать. Ты у нас секси-бой. Я без смеха не могу смотреть, как у мужчин при виде тебя текут слюни, они даже дар речи теряют. Может, тебя согреет мысль, что большинство девушек и женщин дико завидуют тебе?

Ася отмахнулась.

– Дуры потому что. Не знают, как болит спина от такой груди и как досадно выглядеть старше своих лет. А ещё сильно надоедает глупое, животное выражение на лицах мужчин. Выглядят, прямо как дебилы.

Юлька засмеялась.

– Ты точно подметила, какое впечатление твой видок на них производит.

Ася покосилась на веселящуюся подругу.

– А сама почему не заводишь отношения? Тебе уже третий раз в любви признаются?

– У меня почему-то не получается влюбиться, – развела руками Юля. – Ты же знаешь, я пробовала ходить на свидания. – Она понизила голос и тихо произнесла: – Нет никакого фейерверка или взрыва эмоций, даже когда поцеловались. – Хмыкнув, добавила: – Так тёпленькое касание губами и всё. А один раз: фу, даже неприятно было.

Ася покачала головой.

– С нами явно что-то не так. Слышала, как Соня Егорова взхлёб рассказывала, будто её возбудил простой поцелуй в щёку, а когда парень дотронулся до груди, она и вовсе поплыла.

– Врёт, наверно, – не поверила Юля.

– Не скажи – с нами точно не всё в порядке. Димка тоже не хочет гулять. Говорит, что ему до ломоты в зубах скучно с чужими девчонками. Только с нами и может нормально общаться.

Юлька покраснела, вспомнив, что ответил Дима, когда она усердно допытывалась, почему он отказывает первой красавице школы во взаимности?

– Она непроходимая тупица. С ней гулять – время терять и нервы тратить. А напряжение сбросить, я и самостоятельно умею.

Да уж мог Димка, если его вынудить, вогнать в краску. В школе об их троице ходило много слухов. Мало кто верил в их чистую, незапятнанную дружбу. Парни завидовали Диме: рядом с ним такие разные, но очень привлекательные девушки. Друзей обижали сплетни, но они старались не обращать на это внимания. Их дружба действительно была настоящей. Дима и Ася испытывали к Юле странную гамму чувств: к дружеским и братским примешивалось, что-то похожее на родительские. Они вечно за неё переживали и тревожились. Как-то во время

драки в школе, не боясь попасть под раздачу, бросились к замершей в ступоре Юле. Ася обняла подругу, а Дима закрыл ей уши ладонями.

Дима, конечно, видел, что подруги детства превратились в красивых девушек, но для него ничего не поменялось, как и прежде, он испытывал к ним лишь братские чувства. Он как никто знал, насколько интересные и неординарные личности Ася и Юля, поэтому никому не мог позволить отзываться о них неуважительно. В десятом классе Дима влюбился, но его отношения не продлились долго: избранница быстро ему надоела. Дима осознал: он полюбит по-настоящему лишь девушку, сумевшую стать вровень с его подругами.

В одиннадцатом классе друзья стали искать учебное заведение, куда бы могли поступить вместе, пусть и на разные факультеты. Их выбор пал на Кубанский государственный университет. Дима, имея склонность к языкам, предпочёл факультет Романо-германской филологии, он хотел стать переводчиком. Юля и Ася, как натуры творческие, пошли на Художественно-графический факультет. Пока что они не собирались расставаться.

Глава 4

Дима грозился будить Юлю и Асю на зарядку в любую погоду. Они согласились, зная, что сами ни за что не проснутся рано утром: обе были совами и обожали поваляться в постели подольше. В шесть ноль-ноль телефоны девушек дружно воспроизвели бодрящую мелодию «Пионерской зорьки».

– Вы охренели!?! – возмутилась соседка по комнате Валерия Крайнова, подняв растрепанную кудрявую голову от подушки. – До занятий два с половиной часа, ещё спать и спать.

– Извини, мы сделаем звонок потише. – Ася посмотрела на заспанное, сердитое лицо соседки, выглядевшее несколько жутковато из-за не смытой на ночь косметики – Покосившись на Юлю, пытающуюся натянуть одеяло на голову, негромко произнесла: – А ты не изображай из себя глухую. Вставай уже.

Юля, чертыхнувшись про себя, с надеждой обратилась к подруге.

– Может, ну её зарядку?

– Нет уж. Мы обещали Бережку, что не будем лениться.

Быстро заправив свою кровать, Ася сдёрнула с подруги одеяло.

– У тебя пять минут на сборы. Я пошла умываться.

Юля знала, Ася церемониться не любит и просто стащит её с кровати. Вздохнув, она поднялась, накинула покрывало поверх разобранной постели. Стараясь не шуметь, открыла фрамугу – тепло, не меньше плюс восемнадцать, достаточно футболки и джоггеров² из тонкого трикотажа. Облачившись в спортивную форму, захватив полотенце себе и Асе, Юля выбралась из комнаты.

– Дал Бог соседушек, – проворчала Лера, отворачиваясь к стене: из-за солнечных лучей, бьющих в окно, в комнате было слишком светло. – Знала бы, что мне попадутся такие яркие спортсменки, попросилась бы в другую комнату.

Платаны, растущие неподалёку от стен общежития, поднялись неравномерно. Где-то ветви деревьев уже закрывали окна на третьем этаже здания, где-то их макушки едва достигали подоконников. Перед окном комнаты номер пятьдесят пять маячила пара веток с широкими листьями, но они не могли её затенить – яркие солнечные лучи беспрепятственно играли на полированных дверцах шкафа, вытертых крышках учебных столов и бледно-голубом линолиуме. В приоткрытое окно слышалось громкое чириканье воробьёв. Лера, вскочив с кровати, с силой захлопнула фрамугу.

– Первое, что сегодня сделаю, куплю беруши и повязку для сна.

Она снова легла в кровать, но заснуть так и не удалось. Пришлось встать, настроение с раннего утра оказалось испорченным. Лера посмотрела на себя в зеркало – ну и видок. Вернувшись с работы в ресторане за полночь, она поленилась снять макияж, и теперь расплывшаяся тушь превратила её в панду, губная помада тоже размазалась, а волосы из-за лака торчали во все стороны. Лера достала чёрный маркер из ящика стола и стала проводить жирную черту на линолеуме, отделяя свою личную зону от остальной комнаты. В холодильнике она выбрала для себя верхнюю полку и наклеила на неё стикер «моё место». Полки в шифоньере были и так поделены, поэтому Лера наклеила стикеры лишь на плечики. Оглядев выполненную работу, удовлетворённо кивнула: треть комнаты принадлежала ей, и пусть только соседки попробуют

² Джоггеры – модель, подходящая к спортивной и повседневной стилистике. В дословном переводе название означает «штаны для тренировок». Отличаются отсутствием ширинки, наличием кулиски или широкой резинки на поясе, идеальной посадкой на бёдрах и свободным кроем. Постепенно сужаясь, в нижней части обычно фиксируются эластичной манжетой или резинкой.

пересечь черту. Она набросала правила проживания на листке бумаги и наклеила его на дверь. Девушки, с которыми она жила раньше, выпустились из университета в июне, а ей ещё два года здесь оставаться. Лера скучала по прежним соседкам, а к новеньким привыкать не хотела.

Дима ждал подружек у входной двери общежития.

– Сначала сделаем пробежку по аллеям, потом отправимся на стадион, там есть уличные тренажёры, – он покосился на унылые лица Аси и Юли. – Девчонки, взбодритесь. Я не позволю вам расслабляться и стать ленивыми дохлячками.

Юлька подпрыгнула на месте.

– Кто тут дохлячки? Посмотри, – она согнула руку в локте, демонстрируя аккуратные мускулы.

– Это моя заслуга, – хмыкнул Дима. – Дай вам волю, будете рисовать или лепить до глубокой ночи, а потом дрыхнуть до обеда. Вас надо держать в приличной форме, пока не выдам замуж и не передам в хорошие руки.

Юля фыркнула:

– Мы что, зверушки, передавать нас в хорошие руки.

– За зверушек я бы не волновался, – насмешливо произнёс Дима, направляясь в сторону аллеи.

Юля, устремившись за ним, с лёгкостью его обогнала. Опередив друзей метров на двадцать, повернулась к ним лицом и побежала спиной вперёд. Ася тут же начала возмущаться:

– Эй, дурында, двигайся нормально, иначе шлёпнешься.

Она будто накаркала, из-за поворота вывернули двое парней, и Юля врезалась в одного из них.

– Ух, ты, какая прелесть упала мне в руки, – улыбнулся парень и, не позволяя девушке упасть, слегка прижал к своей груди.

Юля подняла голову. На неё смотрели чёрные искрящиеся глаза. Парень развернул её лицом к себе.

– Я не ошибся, ты и вправду хорошенькая. Позволь представиться: Никита Львов. А как тебя зовут?

– Юлия Кация.

– Как? Акация?

– Долго ещё будете обниматься? – поинтересовался Дима, приближаясь к ним.

Ася, глядя на подругу, сделала страшные глаза. Юля освободилась из объятий и тихо охнула: позади Никиты стоял Гай Холодов.

– Привет, ребята. – Никита заинтересованно оглядел Асю и нехотя перевёл взгляд на Диму. – Вы первокурсники?

– Не угадал. Мы на третьем курсе. Просто в этом году переселились в общежитие, – Дима, взяв Юлю за руку, отстранил её от нового знакомого. – Продолжишь тренироваться или тут стоять будешь?

Юля взяла под козырёк.

– Слушаюсь, товарищ командир.

Она украдкой бросила взгляд на Холодова. Его лицо было спокойным и отчуждённым. Гай, усмехнувшись уголком губ, обошёл Юлю по широкой дуге, и побежал по аллее. За ним двинулся Никита.

– Чего застыли? – обратился Дима к подругам. – Трогаемся в путь.

Отбежав метров сто, Никита оглянулся – новые знакомые уже пропали из виду.

– Холод, как тебе девушки? Я впервые не могу сказать, какая из них лучше. Одна будто сошла с обложки «Плейбоя», едва челюсть удержал, когда её увидел, а другая симпатичная обаяшка. Такая милаха.

– Эту троицу я ещё вчера повстречал. Мой совет: не связывайся с ними. Я знаю таких женщин, как эта секс-бомба. На одном мужчине никогда не остановится, слишком многим она нравится. Закон рынка действует и в любовных отношениях. Когда есть большой спрос, то и предложения принимаются чаще. Так что если с ней замутишь, готовься к ветвистым рогам на голове. Вторая, как ты сказал: милаха. Но, скорее всего, она капризная и безалаберная девица.

Никита поднял брови.

– Злой ты, Холод. Девчонки такие красотки, а ты их опустил ниже плинтуса. Ну что, двинули на стадион?

На тренажёрах занимались человек десять не больше, среди них только две девушки. Никита направился к «Маятнику», а Гай к лавке для пресса. Они успели сделать по два подхода, когда на стадионе появилась знакомая троица. Юля и Ася вытащили полотенца и стали промокать разгорячённые лица. Почти все взгляды парней устремились на Асю, кое-какое внимание перепало и Юле. Никита никогда не думал, что обычное вытирание пота с лица может быть настолько эротичным. Юля, заметив повышенный интерес, засмеялась, на её левой щеке возникла симпатичная ямочка. Ася, покосившись на студентов, наблюдающих за ними, вздохнула.

– Мы как обезьяны в зоопарке. Лучше бы просто побегали.

Дима забрал у девушек полотенца, повесил их на железный брус.

– Через десять минут они привыкнут, и не будут обращать на вас внимания. Юлька, чеши на «Маятник», тебе нужно укрепить мышцы ног. А тебе, Ася, надо спину поправить. Вон тренажёр «Гребля» как раз освободился, дуй к нему. Ну а я на двойной турник. Потом поменяемся.

На стадионе, освещённом тёплым сентябрьским солнцем, пахло свежескошенной травой. Юля всей грудью вдохнула вкусный воздух и приступила к тренировке.

«Молодец Димка, не сдаётся и заставляет нас вставать рано по утрам, без него мы бы давно превратились в квашню».

Через десять минут Юля сменила Асю на «Гребле». Усевшись в тренажёр, не сразу обратила внимания, кто занимается рядом, а когда увидела, сбилась с ритма. В пяти метрах от неё на «Эллиптическом» снаряде тренировался Холодов. Юля скосила глаза, белая футболка на груди Гая промокла и прилипла к торсу. Она ухитрилась заметить капельки пота над его верхней губой, на лбу и висках. Собственно, ничего выдающегося в его фигуре не было, просто от природы хорошо сложенное стройное тело. Ему не мешало бы подкачаться, выглядел он немного худым, особенно по сравнению с мускулистым Никитой. Глаза Юли встретились с глазами Холодова. У неё сразу перехватило дыхание. Сердце подпрыгнуло в грудной клетке и забило в ускоренном ритме.

– Чего ты скособочилась? – Дима несильно ударил Юлю между лопаток кулаком. – Выпрямись, сядь ровно. Двигай руками равномерно, без рывков, иначе мышцы спины повредишь.

– И когда ты успел тут нарисоваться? – удивилась Юля, выполняя указания друга.

Дима наклонился и в самое ухо прошептал:

– Я пару минут стоял рядом и наблюдал, как ты с него глаз не сводишь. Дырку на нём протрёшь. – Выпрямившись, громко добавил: – Сосредоточься.

Юля резко дёрнула рукоятки. Дима чертыхнулся.

– Будь серьёзнее, иначе заработаешь мышечную невралгию. – Он легонько стукнул её по лбу. – Балда этакая.

Юля не собиралась оставаться в долгу и ущипнула Диму за руку.

– Кто тут балда?

– Ты, конечно. Ладно, заканчивайте тут с Асей, я буду ждать вас в столовой. – Он посмотрел на часы. – Встретимся в восемь.

После ухода Димы Юля снова бросила взгляд на Холодова. Он, обнаружив, что она на него смотрит, отвернулся. Надев спортивную куртку на влажную футболку, Гай окликнул Никиту.

– Идёшь в общагу?

Никита кивнул. Глянув на девушек, негромко произнёс:

– Думаю, я в пролёте. По-моему, Ася девушка этого Димы, а Юля его сестра. Ты заметил, как они похожи? Он по-братски себя с ней ведёт. Такой как он, вероятно, усердно фильтрует парней сестры.

Холодов покачал головой.

– Не думаю, что они кровные родственники. Форма носа, губ, разрез глаз отличаются. Общее лишь цвет волос и радужка глаз. Но в одном ты прав, они общаются, как очень близкие люди. Может, она ему двоюродная сестра?

– А ей подходит фамилия Акация. Юля, как цветущие ароматные цветки этого дерева, просто конфетка. Но я, похоже, не произвёл на неё впечатления. Она лишь на тебя посматривала.

Гай промолчал. Он не хотел признавать, что странные взгляды, которые бросала на него девушка с удивительной фамилией Акация, оказали на него необычное воздействие. Что-то внутри него откликнулось на эти взгляды, прежде спокойное сердце забилося чуть быстрее.

Вернувшись в общежитие, подруги застали новую соседку спящей. Из шёлковой косынки она соорудила повязку для глаз, прикрыв их от бьющих в окно солнечных лучей. Из-за отсутствия штор они беспрепятственно проникали в комнату, делая её светлой и какой-то праздничной. Спутанные чёрные волосы Валерии ореолом лежали на подушке вокруг головы, алая помада, размазанная на губах, делала рот похожим на свежую окровавленную рану. Эта Лера, с которой они познакомились прошлой ночью, выглядела, как монстр из фильма ужасов. Собственно, знакомства никакого не случилось. Просто девушка появилась на пороге комнаты почти под утро. Разбудив их, не извинилась, а просто буркнула:

– Я Крайнова Валерия. Ваша соседка по комнате. Давайте жить, не мешая друг другу.

Потом она, стащив с себя одежду, просто рухнула в кровать.

Кажется, эта Крайнова не собиралась просыпаться, видимо, в её планы не входило идти на занятия. Подругам пришлось передвигаться на цыпочках и общаться жестами. Приняв душ и переодевшись, Ася с Юлей поспешили в столовую.

Половина столиков в этом студенческом общепите уже была занята ненасытными едоками. Из-за больших окон зал столовой походил на аквариум, этому способствовали и цвет стен, выкрашенных голубой краской, и пол, покрытый синей плиткой. Пахло выпечкой, корицей и ванилью. А ещё в воздухе витал аромат кофе, горячего молока и жаркого. Удивительно, но столь разные запахи не смешивались и впитывались вечно голодными организмами студентов по отдельности. Дима помахал подругам, он уже занял место за столиком и принёс подносы с едой. Юля бросила взгляд на овсяную кашу и яичницу с беконом.

– Не много ли для завтрака?

Дима кивнул, мол, присаживайтесь. И нравоучительно, будто престарелый папаша, изрёк:

– Нормально. Завтрак самый главный приём пищи. Дай вам волю, вы только кофе и будете пить, а потом желудком маяться.

Юля фыркнула.

– Выполняешь просьбу моей мамочки?

– Я и без её просьбы пока могу, буду за вами приглядывать. С меня хватило того, что случилось зимой. Кто тогда рыдал и цеплялся за меня, как утопающий?

Юля вздохнула.

– Не напоминай.

Прошлой осенью она увлеклась странной диетой, которая заключалась в том, чтобы питаться раз в день, а в остальное время пить соки, разбавленные водой. Сколько друзья ни отговаривали прекратить эту ерунду, Юля не реагировала, пока не свалилась с жесточайшим приступом гастрита. Она корчилась от боли и плакала навзрыд, пока не подействовало болеутоляющее. И хотя Диме было её жалко до слёз, он крепился и лишь молча гладил по голове. Ася же злилась и, не сдерживаясь, отчитала подругу за глупое отношение к своему здоровью. После этого Дима взял на себя обязанность следить за питанием подруг. Странно, но Ася как будто забыла что случилось с Юлей, время от времени она предпринимала попытки пропустить завтрак или обед.

– Ешьте и не нойте, я подсчитал тут: всего шестьсот калорий. Тысячу на обед, ещё четырёхста останется на ужин. Так что не потолстеете, – заявил Дима, намазывая кусок хлеба сливочным маслом.

– А я и не спорю, – Юля, придвинув к себе тарелку с яичницей, облизнула верхнюю губу кончиком языка. – После тренировки у меня просто зверский голод.

Ася ухмыльнулась. Юля даже в детства ела так соблазнительно и аппетитно, что всем, кто находился поблизости и мог видеть её трапезу, еда начинала казаться необыкновенно вкусной. Эту её особенность заражать своим аппетитом первой заметила мама Димы и стала просить Юлю иногда обедать с ними. Сейчас глядя на его крепкое телосложение, трудно поверить, что в детстве Дима был малоежкой. Доедая кашу, Ася невольно улыбнулась: Юлькина способность по-прежнему действовала, люди за соседними столиками, поглядывая на неё, уплетали завтрак с повышенным удовольствием и аппетитом. За стол, освободившийся у окна, сели Гай и Никита. Увидев знакомую троицу, Львов помахал девушкам, Холодов лишь слегка наклонил голову. Лицо Юли при виде Гая будто озарилось внутренним светом, губы тронула приветливая улыбка. Она как могла растягивала время завтрака. Откусывая хлеб маленькими кусочками, запивала его крохотными глотками какао. Дима не выдержал и поторопил её.

– До начала занятий двадцать минут. Пошли, я провожу вас.

Юля, бросив взгляд на Холодова, подняла поднос с посудой.

– Ладно.

Глядя в спину уходящей троице, Никита задумчиво произнёс:

– Третья случайная встреча. Тебе не кажется, что это судьба?

Гай покачал головой.

– На четыре общежития это единственная столовая, мы бы, так или иначе, встретили их. Не выдумывай то, чего нет.

– Что наш Лёва выдумывает? – поинтересовался Дан Ильичёв, присаживаясь к столику.

– Сегодня я познакомился с двумя потрясающими девушками. Обе мне сильно понравились. Но знаешь, трудно выбрать кого-то из них. Так и хочется сказать: заверните мне обеих.

Дан поправил стильные очки в тонкой золотой оправе, скептически оглядел друга.

– Ещё только восемь утра, когда ты успел их встретить, да ещё трижды? Они что, близняшки, раз одинаково понравились?

Никита проглотил кусок оладьи, запил его чаем.

– Трудно найти более разных людей внешне, но каждая хороша по-своему. Сам поймёшь, когда увидишь.

Дан поднял светлые брови. Его облик жителя Скандинавского полуострова: бледная кожа, голубые льдистые глаза, крупный нос, предполагал спокойный, флегматичный характер, по отношению к Ильичёву это полностью совпадало со сложившимся стереотипом. Друзьям иногда казалось, что Дан даже думает и действует заторможенно.

– Сомневаюсь, что мой вкус совпадает с твоим. В прошлом году ты уверял, что на свете всех милее Звягинцева Даша. Ты три месяца её добивался, а потом разочаровался за две

недели. Бедная девушка до сих пор прийти в себя не может. Как только меня видит, сразу интересуется: не появился ли кто у тебя. Надеется, что ты вернёшься к ней.

Никита нахмурился.

– Да уж, с Дашей у меня вышла промашка. Но как я мог знать, что меня будет воротить от запаха её тела. Даже ужасные духи, которыми она пользовалась, не забивали личный аромат. Теперь, прежде чем начну гулять с кем-то, буду сначала обнюхивать, а если повезёт, и попробовать на вкус. Кстати, милаха Акация восхитительно пахнет, когда я её обнял, на меня повеяло свежевскипячённым молоком и молодой травой.

Гай от сравнения запаха девушки с молоком и травой невольно засмеялся. Друзья удивленно уставились на него. Чего-чего, а услышать смех Холодова это что-то из ряда вон выходящее.

– Ты чего? – возмутился Никита.

– Тогда тебе должно понравиться, как пахнут коровы. От них тоже несёт молочком и травкой, – пробормотал Гай, давясь смехом. В его голове нарисовалась яркая картинка: бурёнка с лицом Юли.

– Дурак ты и не лечишься, – обиделся Никита. – Я хотел сказать, что она пахнет невинно и свежо, как ребёнок.

Тут уж фыркнул Дан.

– Тебе либо нос заложило, либо ты ещё тот извращенец. А почему ты её Акацией обозвал?

Никита, складывая все тарелки со стола на один поднос, проворчал:

– Фамилия у неё такая.

– Необычная. Ладно, покажешь мне свою бурёнку и её подругу. Заинтересовал, – произнёс Дан. – Мы пошли, а ты не забудь захватить подносы.

В прежде просторном вестибюле университета было не протолкнуться. Народ пришел полюбоваться выставкой «Осенняя композиция». Как обычно, главными участниками являлись студенты с Художественно-графического факультета, остальные факультеты представили редкие экспонаты. Вдоль стен на столах красовались букеты, составленные из цветов и листьев всех оттенков радуги. От многоцветья и ярких красок пестрело в глазах. Чуть меньше демонстрировалось сложно составленной икебаны в причудливых сосудах. К столам с икебаной и вёл Никита друзей.

– Хочу показать, какое чудо сотворили мои девочки.

Дан и Холодов, недовольные толпой и шумом, обречённо плелись за ним.

– Когда они стали твоими девочками? – скептически произнёс Дан.

– Пока я в процессе выбора, но кто-то из них точно будет моей девушкой, – без тени сомнения в голосе заявил Никита. – Кроме того, что они красотишки, оказывается, ещё и талантливы.

Он подвёл друзей к столу с табличкой «Работы Юлии Кацья и Аси Тарасовой Художественно-графический факультет».

– О, так она не Акация, а Кацья, – удивился Дан, прочитав фамилию. – А ты, дружок Никитос, однако, глуховат. По-моему, это или абхазская, или осетинская фамилия.

Никита проворчал:

– Ну да, оказывается, она Кацья, но для меня останется Акацией. Её так и одноклассники называют.

Гай прочёл название под первой композицией: «Безудержная радость». Как держались и чем были закреплены кленовые листья, он не мог разглядеть, но они располагались по кругу, постепенно меняя расцветку от большого нижнего зелёного яруса до верхнего самого малень-

кого бордово-красного цвета. Из середины последнего круга листьев, будто струи воды из фонтана, выходили нанизанные на тонкую едва различимую проволоку алые бусины ягод калины.

Никита с видом знатока пояснил:

– Радость неудержимым потоком выплёскивается из души. Я сразу понял задумку девочек.

Гай покосился на его довольную физиономию и усмехнулся. Никогда раньше Никита не интересовался искусством, в каком бы виде оно ни было.

Он перевёл взгляд на вторую композицию «Щемящая нежность» и замер. В высоком тонком стеклянном сосуде стоял букет одуванчиков в пору их шарообразной пушистости. Он нагнулся ближе, чтобы понять, почему белые парашютики не облетают? Кончики прозрачных ворсинок поблёскивали. Одуванчики обработали чем-то вроде бесцветного лака, это выглядело так, словно на них упали крохотные капельки росы.

«Где они только отыскивали одуванчики? Хотя тёплой осенней порой эти простые цветочки усеивали поляны в парках и лужайки во дворах.

Третья композиция кардинально отличалась от двух прежних, при взгляде на неё Гай почувствовал себя неудобно. В центре букета на тонкой высокой ножке стоял чёрный тюльпан, формой напоминающий сердце. Чуть ниже, наклоняясь от него в разные стороны, располагались серые махровые хризантемы, чем дальше от тюльпана, тем белее становился их цвет, последний ряд цветков был уже с розоватым оттенком. Получалось так, будто чёрный цвет угнетал белый, окрашивая хризантемы в серый тон. Гай поднял голову и посмотрел на название композиции «Тоска». А ведь верно, когда на душе тоскливо, всё вокруг теряет краски и становится серым. Что означает этот чёрный тюльпан? Разбитое сердце? Боль утраты?

– Ну как вам? – поинтересовался Никита с таким видом, словно сам составлял композиции.

Дан не стал скрывать, что удивлён работой девушек, знакомых ему только по рассказу друга.

– Необычно. Странно и красиво. Где они нашли хризантемы серого цвета?

Гай пригляделся к цветам.

– Изначально они были белыми, Их покрасили. Интересно, почему хризантемы после этого не завяли?

Дан вытащил из кармана телефон, сделал несколько снимков.

– Отличные получились фотки, подойдут на заставку для моего ноутбука.

– Я же говорил: девочки талантливы. – Никита осторожно кончиком пальца коснулся лепестков хризантемы; на столешницу посыпалось что-то, похожее на пепел или пыль. Он вытер палец. – Кстати, я тут познакомился с одноклассниками Юли и Аси. Поспрашивал их. Оказывается, неразлучная тройка просто близкие друзья, никакие они не родственники. Знают друг друга с раннего детства. В начале учёбы им никто не верил, что они друзья-товарищи даже называли их шведской семьёй. Но потом убедились в отсутствии между ними романтических отношений. Так что теперь я могу спокойно выбирать себе даму сердца.

Гай вздохнул.

– Ты не исправим. У тебя раздутое самомнение, прямо как у павлина. Так уверен, что покоришь кого-то из них.

– Буду атаковать по всем фронтам, – заявил Никита.

– А мне интереснее, чьи идеи в этих композициях? Или они вместе придумывают? – предположил Дан.

– О! Я тоже такой вопрос задавал. Мне сказали: идеи Юли, воплощение Аси.

Дан кивнул.

– Познакомь меня с ними. Любопытно, что это за девушки.

– Тогда присоединяйся к нашим утренним тренировкам.

Дан скептически оглядел друга.

– Не думаю, что смогу. Лучше покажешь мне их в столовой.

Глава 5

Гай помассировал виски, после бессонной ночи голова отяжелела, словно внутрь черепной коробки залили свинец. Мысли едва ворочались, а уж о какой-то свежей идее не могло быть и речи. После нескольких кружек крепкого кофе от него несло, как от баристы в кафе, а в горле прочно поселилась горечь. Гай поморщился, запах антисептиков и химических реагентов стал резче. Эксперимент подходил к концу, более углублённые исследования в небольшой лаборатории университета не позволяло сделать как отсутствие нужных материалов, так и высокоточных приборов. Сменяя друг друга, он и Никита вели исследование хитридиомицетов. Эту древнюю группу грибных микроорганизмов с очень примитивным строением они изучали неспроста. Прошлым летом Гай, Никита и Дан работали спасателями на пляже в Джемете, сама работа оказалась нетрудной, позволила загореть и вдоволь накупаться в море. Но к концу июля прибрежные воды заполонила нитчатая водоросль Кладифора бродячая, сначала это походило на симпатичный зелёный ковёр, но буквально через неделю ковёр превратился в зловонное болото. Песок рядом с водой стал напоминать свалку отходов, а вблизи берега море приняло сходство с тягучим киселём. Отдыхающие, брезгливо заткнув носы и, шагая как цапли, стали пробираться к чистой от водорослей воде. Гая и ребят вместе с другими работниками пляжа заставили убирать с песка дурнопахнущие кучи Кладифоры, но уже через час все их старания пропадали втуне, море выкидывало на берег очередную порцию гниющих водорослей. Их труд стал походить на труд Сизифа: водоросли размножались с ужасающей быстротой. В какой-то момент вонь от истлевающей Кладифоры стала настолько невыносимой, что отдыхающие предпочли купаться в бассейне с хлоркой, лишь бы не лезть в море. За полтора месяца уборки Кладифоры ребята, просто возненавидев эту водоросль, задумались: существует ли способ избавиться от этой напасти? Оказалось, Кладифора – бич пляжей и в Турции, и на Средиземноморье, но и там использовалась лишь механическая очистка пляжей. Изучая под микроскопом вредную водоросль, Гай обнаружил на нескольких нитях поражённые участки, выяснилось, что Кладифору повредили грибные микроорганизмы хитридиомицеты. Так они начали изучать эту низшую группу древних грибов с целью найти способ борьбы с Кладифорой. Год экспериментов дал некоторые результаты, а две недели непрерывных опытов закончились пусть небольшой, но победой. В небольших аквариумах лаборатории хитридиомицеты полностью уничтожили Кладифору, Теперь предстояло выяснить, выделили ли грибы вредные для человека и морских обитателей токсины. Ведь могло случиться так, что убив Кладифору, хитридиомицеты нанесли бы природе ещё больший вред. Гай записал в лабораторную тетрадь последние данные и с удовольствием потянулся. Дальнейшее изучение результатов опыта можно проводить не торопясь, а значит, отоспавшись, вернуться к обычной жизни студента. Он уже четыре дня не видел Милаху, так он называл про себя Юлю. Этой девушке отлично подходила кличка, данная Никитой, в этом слове заключалось всё её очарование, трогательность и нежность. Пока отношения с Юлей у него никак не развивались, но для себя он уже решил: попробует с ней повстречаться. Почти месяц их общение заключалось в нескольких словах при встрече, и во взглядах. Ещё никто так на него не смотрел. А какие это были взгляды! Они обжигали его, будоражили, доставая до самых потаённых уголков души, ласкали, заставляя видеть ночью эротические сны. Но странно: эти сны всегда балансировали на грани приличия, не позволяя ему расслабиться. Словно и в сновидениях из-за невинной внешности девушки он не мог переступить через незримую черту. Юля не предпринимала никаких попыток форсировать отношения, только взглядами показывала свои чувства к нему, на словах же была сдержанна. Она будто интуитивно догадывалась, что он не любит активно флиртующих девушек, и поэтому давала возможность ему самому решить, принимать её чув-

ства или нет. Гаю иногда казалось, что они разговаривают без слов, на каком-то ином уровне. Он мог угадать настроение Милахи, просто бросив на неё взгляд. Юля ничего не говорила ему, но он точно знал, что нравится ей, и она ждёт его решения. А ещё понимал: эта девушка не станет признаваться в чувствах первой, не будет навязываться, предлагая отношения. Она примет любое его решение и при необходимости просто уйдёт. За те дни, что он не видел Юлю, Гай признался себе: соскучился по обожанию, которое светилось в каждом её взгляде и, что скрывать, подогревало его самолюбие. К тому же она заинтересовала его и как личность, в ней чувствовался некий внутренний стержень. Юля, несомненно, обладала талантом, а ещё отличалась позитивным и лёгким характером. Казалось, в ней нет никакой женской стервозности, то, что больше всего он не переносил у некоторых представительниц слабого пола. Все прошлые отношения Гая носили кратковременный характер. Больше двух месяцев он не встречался ни с кем. Едва в отношениях намечалось что-то серьёзное или девушка начинала претендовать на роль будущей жены, он тут же обрывал всякие связи. Гай расставался, не чувствуя жалости или боли. Он не позволял захватить его сердце, понять внутренней сути характера или настоящих переживаний, а себе не разрешал ни к кому прикипеть душой. Гай дал себе слово: ни одна женщина не будет много значить для него. Он достаточно наглядился на отношения родителей. Его мать Роза Петровна служила актрисой в Армавирском театре драмы и комедии. Этот провинциальный театр имел давние традиции и был старейшим театром на Кубани. Будучи неплохой актрисой, творческой личностью и красивой женщиной, Роза Петровна просто не могла жить обычной жизнью. Романы на стороне случались у неё регулярно и длились по четыре-пять месяцев. Потом она возвращалась в семью виноватая, обиженная на любовника и несправедливую судьбу, подкинувшую очередного мужчину негодяя. С пафосом актрисы она просила у мужа прощения, при этом театрально заламывая руки. Говорила, что он единственный порядочный человек на всём белом свете. Клим Сергеевич прощал изменщицу, в семье на время наступало благоденствие, начиналась светлая полоса. Будучи маленьким, Гай не понимал, куда время от времени девалась его весёлая и замечательная мама, но быстро понял: после её исчезновения в их жизни наступала чёрная полоса. Папа ходил мрачный и печальный, дом не прибирался, становилось неуютно, они начинали питаться полуфабрикатами и быстрорастворимой лапшой. С тех пор Гай ненавидел даже запах этой лапши. Но когда появлялась мама, дом наполнялся светом и весельем. Клим Сергеевич, напевая, приступал к готовке, квартира теперь сияла чистотой, домашняя работа всегда лежала на его плечах. Когда Роза Петровна находилась дома, он выполнял эту работу с удовольствием, но после бегства жены, впадая в тоску и депрессию, начинал пренебрегать своими обязанностями. Вернувшись в семью, Роза Петровна выводила своих «мальчиков» в свет, они отправлялись на экскурсии, в музеи, ходили в цирк, обязательно посещали театр. В редкий день, когда она оставалась дома, придумывала какое-нибудь развлечение для мужа и сына. В квартире вечно толклись гости и знакомые, которые, словно бабочки на огонь, летели на искрящееся веселье, излучаемое Розой Петровной. Гай быстро научился распознавать признаки будущего ухода матери из дому, она становилась раздражительной и всем недовольной. Проходило немного времени, она вытаскивала с антресолей чемодан и начинала укладывать вещи. Клим Сергеевич предпринимал безуспешные попытки образумить жену: уговаривал, просил, угрожал, стоял на коленях, напоминал о сыне, но его мольбы не доходили до сердца жены. С решительным видом та покидала свою семью. Так повторялось много раз. Взрослея, Гай стал понимать, что происходит с родителями. От бесконечных расставаний и встреч его душа закалилась и очерствела. Наступил момент, когда он спокойно принял очередное бегство матери и также невозмутимо её возвращение. Он стал презирать слабость отца, не имеющего сил расстаться с предающей его женщиной. Мать же полностью вычеркнул из сердца. Гай больше не желал делать вид, что всё в порядке, когда мама, получив очередное помилование, оставалась с ними. Он не раз задавал отцу вопрос, как он может столько раз её прощать? Тот ответил:

– Я люблю Розу и не могу без неё. Когда вырастешь, поймёшь меня. Я согласен и на такую жизнь, лишь бы она была со мной. Верю, когда-нибудь она осознает, что я для неё единственный.

Гай покачал головой.

– Ошибаешься, я никогда не пойму, как можно так унижаться перед женщиной, пусть даже это моя мать. Я ни одной девушке не позволю вмешиваться в мою жизнь и не стану её прощать.

Клим Сергеевич вздохнул.

– Ты слишком молод, чтобы зарекаться. Иногда мы не властны над своими чувствами.

– Прежде всего, нужно любить и уважать себя, – отрезал Гай.

Вспомнив этот разговор, он подумал, что давно не ездил домой и понятия не имеет, как обстоят дела у родителей. Отец по-прежнему работал главным бухгалтером на заводе металлоконструкций, в свои пятьдесят два выглядел немного старше из-за залысин, небольшого брюшка, и лёгкой сутулости. Он хоть и был высокий, под метр девяносто, но смотрелся как человек среднего роста. Гай не признавался, что переживал за отца. Изредка тот снился ему: с потухшим взглядом зеленоватых глаз, со скорбно опущенными уголками губ. А вот мать ни разу не появилась во сне, будто Гай вычеркнул её даже из подсознания. Пока надежды отца на спокойную жизнь не оправдались, Роза Петровна и в сорок девять лет пользовалась успехом у мужчин. В рыжих, кучерявых от природы волосах не появилось ни единой седой прядки, на белой коже лица и рук не имелось пигментных пятен, морщинки обозначились лишь в уголках блестящих серых глаз.

Гай тряхнул головой, прогоняя ненужные мысли, засоряющие голову. Он посмотрел в окно, за стеклом в рассветном тумане плыли деревья, тусклыми, жёлтыми шарами светились фонари вдоль аллеи. Он накинуд ветровку, выключил свет в лаборатории. Жаль, но сегодня утром он не сможет увидеть Юлю: невыносимо хотелось спать. На улице в лицо пахло сыростью и прелыми мокрыми листьями. Накинув на голову капюшон, он быстро зашагал по аллее к общежитию химиков. Проснувшись пополудни, Гай ощутил зверский голод. Душ принимал в ускоренном режиме: подгоняли голодные спазмы в желудке. Высушивая волосы феном, над кроватью Дана заметил несколько новых фото. На трех снимках в разных позах красовалась Ася, на одном она была вместе с Юлей. Милаха смотрела с фото с затаённой улыбкой. Гай подмигнул изображению.

– А ты соскучилась по мне?

Причесав взлохмаченные волосы, Гай бросил взгляд на часы: десять минут второго. Надо спешить: девушки с их дуэньей мужского пола приходили в столовую ровно в час. Если он хотел застать Акацию, нужно поторопиться. За прошедший месяц друзья определились в своих симпатиях. Дана при первом же знакомстве потрясла внешность Аси, он ещё не нашёл в себе силы вставать на зарядку, но обед уже не пропускал, желая увидеть понравившуюся девушку. Никита, поколебавшись, надумал ухаживать за Юлей. Он, конечно, видел, на кого она обращала внимание, но решил не сдаваться.

– Холод, давай бороться за сердце Милахи по-честному, – предложил он.

Гай лишь усмехнулся.

– Но выбор-то за ней.

Никита повёл ладонью волосам по вороньего цвета.

– Это мы ещё посмотрим. Девушки такие непостоянные.

– Это точно, – согласился с ним Гай.

Одна из девиц с факультета филологии после того как её бросил Дан, быстро переключилась на Гая, а уж после него плавно перешла в руки Никиты. Они до сих пор вспоминали о ней, как о переходном знамени и считали это своим самым постыдным любовным опытом.

Как это часто бывает в начале октября утренний туман обильной росой выпал на траву, кустарники и деревья с ещё не облетевшими листьями. Шагая к столовой по мокрой бетонной плитке, Гай поймал себя на мысли, что торопится. Он замедлил шаг и выровнял дыхание, ещё не хватало предстать перед друзьями, а особенно перед Юлей запыхавшимся.

В столовой, будто на базаре, стоял гомон сотен голосов. В этой какофонии выделялись резкие визгливые голоса некоторых особо громкоголосых девиц. Гай не любил шум и толпу, его настроение слегка испортилось. Всю компанию он отыскал за двумя сдвинутыми вместе столиками. Никита и Дан сидели напротив девушек. Дмитрий косился на ребят и сердито хмурился. Со стороны было видно, насколько он серьёзно опекает подруг и сильно недоволен сложившейся ситуацией. За несколько дней знакомства Гай разобрался в отношениях этой троицы и позавидовал: Юля, Ася и Дима будто родные, переживали и волновались друг за друга. Дмитрий, как только понял намерения ребят, поговорил с ними.

– Если вы не настроены серьёзно, даже не пытайтесь сблизиться с девочками.

Дан округлил глаза, скептически оглядев незваного защитника, лениво произнёс:

– Неужели думаешь, что сможешь оградить их от всех будущих неприятностей?

Дмитрий не дрогнул перед высокорослым и мощным Даном, возвышающимся над ним, как Голиаф над Давидом.

– Постараюсь, насколько хватит сил, – он поочерёдно оглядел парней. – Ты, – он посмотрел на Никиту, – сначала решал, с кого бы начать с Юли или Аси. Значит, тебе всё равно к кому клеиться. А ты, – обратился он к Дану, – запал лишь на внешний вид Аси. Уверен, тебе пофиг, о чём она думает. А этот, – он ткнул пальцем в Гая, – просто наслаждается тем, что нравится девушке. С видом исследователя наблюдает за ней, как за забавной зверушкой. – Дмитрий вздохнул. – Было бы замечательно, если бы вы оставили их в покое, пока не сделали им больно. Ни один из вас не относится к Юле и Асе по-настоящему.

Гай удивился, насколько точную характеристику Дмитрий дал их чувствам к девушкам, будто пролез в душу и всё там рассмотрел. Никита пару секунд ошарашенно молчал, а потом выдал:

– Ну да какое-то время я не мог выбрать, кто лучше Ася или Юля, но сейчас определился. А насчёт Гая не волнуйся, он ко всем девушкам холодно относится. Дан же...

Дан поперхнулся и яростным взглядом приказал Никите заткнуться. Дмитрий окинул их презрительным взглядом.

– Вот об этом я и говорю. Просто поразвлекаетесь и отправитесь дальше, а у них останутся тяжёлые и болезненные воспоминания. Мои девочки не похожи на других женщин, они наивны и чисты, у них нет никакого любовного опыта. Поэтому не смейте играть с их чувствами.

Дан фыркнул.

– Ты, видно, шутишь. С натяжкой, правда, я ещё могу поверить про Юлю, но чтобы у такой фактурной девушки, как Ася, и не имелось любовного опыта, извини, не верю. Можешь не вкручивать нам о невинности... – Дан наклонился к уху Дмитрия и негромко произнёс: – Догадываюсь, о чём ты мечтал, будучи подростком, глядя на аппетитные булочки подружки Аси.

Никто не ожидал от Дмитрия такой быстрой реакции. Он резко отклонился от Дана и со всей силы всадил кулаком ему в скулу. Дан охнул и отступил в сторону.

– Ты чё, оборзел!? Да я сейчас тебя по травке тонким слоем размажу.

Никита и Гай, зная силу удара друга, повисли у него на руках.

– Ты придурок! – заявил Никита драчуну – нашёл с кем связываться. Дан же боксёр.

– Сам виноват. Нечего мерзости говорить. Для меня Ася и Юля – сёстры. Я даже в мыслях не относился к ним иначе. То, что ты сказал, как инцест – отвратительно и гадко, – заявил Дмитрий

Гай с любопытством посмотрел на взъерошенного и злого защитника девушек.
«А ведь он говорит искренне».

– Ладно. Извини, Дана. Он ляпнул, не подумав. – Похлопав по плечу друга, Гай прошептал ему на ухо: – Угомонись. Спусти на тормозах. Нет резона ссориться с их «братиком».

Дан, стряхнув друзей с плеч, протянул руку Дмитрию.

– Так и быть. Мир. Понимаешь, такая дружба, как у вас, встречается редко, вот я и сделал промашку.

Дмитрий, вздохнув, решил не усугублять конфликт, пожал протянутую руку.

– И всё-таки прошу, отнеситесь к моим словам ответственно.

– Ладно, – миролюбиво кивнул Дан.

Гай усмехнулся.

– Но кое в чём ты не прав. Никто не может знать заранее, как будут развиваться отношения. Их нельзя прогнозировать. Будут ли они серьёзные, или нет. Как мы можем дать тебе гарантию?

Дима посмотрел в его холодные серые глаза.

– Я не прошу дать гарантию, просто будьте нормальными людьми, а не легкомысленными мудаками.

От его слов у друзей зачесались кулаки, они едва сдержали себя от крепкого словца в адрес неожиданного защитника.

После этого разговора установился военный нейтралитет. Дмитрий настороженно наблюдал за троицей ухажёров, а они при нём вели себя паиньками.

Вернувшись в общежитие, ребята обсудили претензии Дмитрия.

– Такое ощущение, что этот парень из лесу вышел. Неужели он думает: его ненаглядные подружки действительно отличаются от других девушек? – Дан улыбнулся уголком рта. – С чего он взял, что отношения с ними обязательно должны закончиться браком. Он же на это намекал? Или я чего-то не понял? Я ещё с ума не сошёл и жениться пока не собираюсь, будь она даже принцессой.

Гай покачал головой.

– Думаю, он не совсем про брак говорил. Наверно, имел в виду не разбивать их сердца. – Ухмыльнувшись, продолжил: – Ребята, поможем девушкам набраться опыта. – Произнеся эти слова, он вдруг ощутил угрызения совести. Перед внутренним взором встало милое лицо Акации.

Никита слушал друзей молча, потом провёл по лицу ладонями, будто стёр неприятное воспоминание.

– А что если он говорит правду? Дан, может, отступишься от Аси? У тебя сейчас есть подружка, на Асе ты ведь не остановишься. И ты, Гай, хорошо подумай. Ради меня. За эти дни я осознал: Юлия мне по-настоящему нравится.

Дан хмыкнул.

– Чего это ты вдруг раскис? Меня этот Дима только раззадорил. Ася прямо как заповедная земля, нетронутая целина. Ни за что не упущу такую возможность. Гай прав, девчонкам надо набраться опыта, так пусть уж лучше с нами.

Никита отвернулся. Впервые он так злился на друзей, что хотелось треснуть их по упрямым головам. И чего вдруг распахивался? Не потому ли, что за то время, пока общался с Юлей, успел проникнуться к ней чувствами.

Гай поприветствовал друзей, кивнул девушкам. Поставив поднос с едой на стол, уселся рядом с Никитой.

– Последние данные опыта я скинул тебе в личку. Свой отчёт сдашь завтра.

– Удалось вам победить Кладофору? – поинтересовалась Юля, изо всех сил делая вид, что спокойна, хотя сердце от радости буквально колотилось в горле. Она всего два дня не видела Холодова, а ужасно по нему соскучилась.

– В лаборатории удалось, но сомневаюсь, что наши исследования помогут очистить прибрежные воды. До этого ещё далеко, – ответил Гай, пристально глядя в глаза собеседнице.

Щёки Юли окрасил румянец, но и, смутившись, она не отвела взгляда. На мгновение ей показалось, в глубине его зрачков промелькнуло смятение.

– То есть ваша, как её там, хитриди..

Никита с улыбкой подсказал:

– Хитридиомицета.

– Она самая, – ответила на его улыбку Юля, прелестная ямочка сразу возникла на её щеке. – Сможет ли этот грибной микроорганизм очистить от водоросли небольшой объём жидкости, такой как у аквариума? Если это удастся, то вы спасёте любителей рыбок, ведь аквариумщики тоже мучаются с Кладофорой.

Дан хлопнул себя по лбу.

– Позор нам, братцы! Девчонка сразу додумалась, как наше исследование уже сейчас может принести денежки, а нам это даже в голову не пришло.

Гай слегка остудил друга.

– Сначала нужно проверить, не изменился ли состав воды, нет ли токсинов вредных для морских обитателей. А потом уже решать, как извлечь выгоду.

Никита протянул руку и слегка сжал пальцы Юли.

– Всё равно спасибо тебе за идею.

Гай, глядя на них, почувствовал раздражение.

«Пару суток отсутствовал, а они уже за ручки держатся».

Юля освободила пальцы из захвата Никиты. На обычно бесстрастном лице Гая читалась злость. Эта эмоция обрадовала её. Может, он не такой уж ледяной и безразличный, каким хочет казаться. Благодаря Гаю её дни наполнились светлой радостью. Ей достаточно было увидеть его утром, и всё вокруг окрашивалось в радужные краски, а если удавалось поймать его редкую улыбку, душа сразу наполнялась счастьем. Растущим чувствам не могла помешать и довольно жёсткая характеристика, данная Димой Ильичёву и Холодову. Он честно предупредил подруг, общение с этими ребятами может принести им кучу неприятностей: они расстанутся с девушками часто и быстро, ни к кому не привязываются. Ася подтвердила слова Димы, некоторые «доброжелатели», заметив её в компании Гая и Дана, сочли своим долгом рассказать о них. Особенно хлесткую оценку получил Ильичёв.

– Думаю, ребята обидели не одну девушку. И если Холодову приписывают пару страдалиц, то Дан рекордсмен по разбитым сердцам, – с грустью поведала Ася. – Но Юль, даже зная это, ты можешь отказаться от Гая? Я от Дана не могу. Пусть поступаю неразумно и глупо, и потом придётся расплачиваться за своё решение, я попытаюсь быть с ним. Вдруг получится.

Юля посмотрела на подругу. И это говорила всегда разумная Ася, которая раньше собиралась выбрать спутника жизни рационально и здраво. Получается, они обе, зная об опасности, всё равно собираются броситься в огонь, будто глупые мотыльки, летящие на свет. А ведь ничего кроме надежды у них нет.

– Ты права, я не могу отказаться от Гая. Только у меня с ним всё гораздо хуже. Дан оказывает тебе знаки внимания, пригласил в театр. А мне от Гая досталась лишь пара улыбок, но я и этому рада. Может, у меня с ним ничего и не случится. Димка говорит: безответная любовь, будто небо без земли. А я всё равно счастлива, что могу это чувствовать.

Ася грустно заключила.

– Мы обе без мозгов из-за эмоций. Если нам разобьют сердце, кроме себя винить некого.

Юля обняла подругу, погладила по её пышным огненного цвета волосам.

– Но если не попробуем, будем жалеть всю жизнь. Разве не так?

– Так.

Юля, вспомнив этот разговор, улыбнулась. Улыбку поймал Гай, его губы шевельнулись в подобии ответной улыбки. Никита, заметив их переглядывания, помрачнел.

– Юля, Дан пригласил Асю на постановку «Короля Лира», а я тебя ещё не успел. Ты пойдёшь за компанию с нами?

Юля едва сдержалась, чтобы не поинтересоваться, а Гай пойдёт?

– Я подумаю. Когда спектакль?

– В субботу. В восемь вечера. Как надумаешь, сообщи мне.

Соседка по комнате Крайнова Валерия оказалась весьма странной особой. Она часто прогуливала занятия, словно у неё имелось индульгенция на пропуск лекций. Ася и Юля уходили в университет, а она оставалась в комнате и спала до полудня. Через день по вечерам она исчезала и возвращалась поздно ночью, а иногда и под утро. Старушка вахтёрша благоволила ей и пропускала в общежитие в любое время суток, чего большинству студентов не позволялось делать. Вернувшись с зарядки, Ася сразу отправилась в душ, а Юля зашла в комнату за банными принадлежностями. Она, стараясь не шуметь, тихонько открыла дверь и на цыпочках направилась к шкафу. К её удивлению Лера уже проснулась и с кружкой кофе сидела на разобранной постели. Зевнув, она ехидно заметила:

– Шпион из тебя вышел бы хреновый. Если движешься на цыпочках, то это ещё не значит, что бесшумно. Лучше идти, перекатываясь с носка на пятку, так получается тише. Учти на будущее.

Юля, взяв с полки полотенца и шампунь, отпарировала ей.

– А нам было бы лучше, если бы ты вела нормальный образ жизни, а не как у летучих мышей. Тогда бы не пришлось передвигаться по комнате, как ниндзя, и разговаривать шепотом.

– А это вас, мадам, совсем не касается, – Лера поставила кружку на подоконник, потянулась, разминая тело. – Каждый живёт, как может и как хочет. Не мне, а вам придётся приспособливаться: я ничего менять не собираюсь.

– Это мы уже поняли, – произнесла Юля миролюбиво. Не так уж много времени она и Ася проводили в комнате, чтобы затевать разборки с не совсем адекватной соседкой. Они готовились к занятиям либо в библиотеке, либо в учебной комнате общежития.

После водных процедур и завтрака подруги собирались отправиться по магазинам, хотели прикупить одежду к предстоящему выходу в «свет». Для этих целей они распотрошили и свои, и Димкину заначки. Он хоть и возмущался, но отдал денежки, накопленные на «чёрный день». Однако, поставил условие: за покупками отправится вместе с ними.

– Присмотрю за вами. А то, чтобы поразить воображение своих спутников, приобретёте ещё что-нибудь вульгарное.

Юля хихикнула. Димку не провести. Он сразу догадался, на какие наряды они нацелились. А почему бы и нет? Хотелось показаться во всей красе. Чтобы ах! И дыхание в зобу спёрло. То есть в горле. Маленькие чёрные платья, как полагается каждой порядочной женщине, у них имелись, но если наденут одновременно, будут смешно смотреться: как мама и дочка. Ася выше на голову и гораздо крупнее Юли, поэтому выглядела старше.

На улице моросил мелкий дождик, похожий на прозрачную водяную пыль, небо затянуло неразрывным серым покрывалом из туч. Выйдя из автобуса на центральной улице, где расположилось большинство небольших магазинчиков, чтобы не намокнуть, они стали перебегать от одного бутика к другому.

Девушки не пожалели, что взяли с собой Диму, он изрядно повеселил, как их самих, так и продавщиц, комментируя каждый наряд.

– В этом цветастом платье, только на рынок кислой капустой торговать, – изрёк он, разглядывая Асю в наряде, украшенном крупными фиолетовыми розами.

– А почему кислой? – удивилась та.

– Потому что аж скулы сводит.

Юлин белый брючной костюм, показавшийся ей верхом элегантности, тоже забраковал.

– Покрой у него такой, будто ты больничную униформу нацепила.

Платья со слишком большим вырезом на груди Дмитрий отклонял сразу, заявив, что для мужского воображения ничего не остаётся, всё на виду. Одни наряды отвергались из-за длины, другие из-за ширины. Наконец он одобрил для Юли шёлковое платье без рукавов цвета нефрит, будто кто-то рассыпал по ткани редкие веточки цветущей ивы. Кружевной воротничок немного светлее основного тона очень украшал наряд. Прямого покроя платье неплотно облегло фигуру, зрительно чуть увеличивая бёдра, делая фигуру более женственной. В нём Юля выглядела старше и как-то даже строже. Небольшие разрезы по бокам узкой юбки давали возможность удобно двигаться. Для Аси он отыскал наряд, делающий её моложе и скрывающий широкие бедра и большую грудь. Струющаяся ткань цвета синей стали в мелкую едва заметную крапинку подчёркивало тонкую талию, маскируя излишние объёмы в других местах тела.

– Эх, Димка, не на того ты учишься, – вздохнула Ася, поправляя прозрачные рукава платья. – Тебе бы женщин одевать...

– Нетушки, – ухмыльнулся Дмитрий. –хлопотное это дело, мне и вас хватает. Теперь пошли сумочки и обувь подбирать.

Юля замахала руками.

– Не хочу. Надоело. Мы и так полдня потратили на магазины. У меня есть хорошие чёрные туфли, а у Аси тёмно-синие. Как раз подойдут. Сумочку одну на двоих прихватим.

Дмитрий покачал головой.

– Юлька, ты меня позоришь: чёрные туфли под зелёного оттенка платье – это нонсенс. А вот Асины будут к месту.

Пришлось ещё пару часов бродить по торговым точкам, пока Дима не отыскал кремового цвета туфли и клатч для Юли, и для Аси крохотную, размером с женский носовой платок, сумочку.

К вечеру распогодилось, выглянуло тусклое жёлтое солнце, осветило умытые улицы города. Дождь, создавая осенний гербарий, приклеил мокрые листья к плитке тротуара, и теперь они цеплялись к подошве обуви, нарушая природный рисунок.

– Дим, ты же против, чтобы мы общались с ребятами, а сам собираешь нас в театр, будто к сватовству готовишь, – ухмыльнулась Юля, бережно держа пакеты с покупками.

Проезжающая мимо машина громко засигналив, заглушила его слова. Из-под колёс автомобиля выпорхнула взлохмаченная ворона с куском батона в клюве. Перебирая лапами, она деловито доковыляла до тротуара. Бросив добычу на плитку, спокойно принялась есть хлеб. Юля, удивившись наглости пернатой разбойницы, забыла, о чём спрашивала Диму. Приблизившись к вороне, она дотронулась до крыла пальцем. Птица повернула голову и резко ударила Юльку клювом по руке.

– Ой! – вскрикнула та.

Димка засмеялся.

– Захотелось птичку погладить? А она решила ты у неё хлеб отнимаешь.

– Дим, ты не ответил на вопрос. Мне тоже интересно, почему ты стараешься? – напомнила Ася

– Хочу, чтобы они осознали, такие девушки, как вы, не для них. Они вас недостойны и должны это понять. Юлька сплошной позитив, наше солнышко, а ледышка Гай, словно мрачная

туша, он будет нещадно гасить её свет. Дан из тех мужчин, что не бросают якорь в одном порту надолго, полжизни бороздят чужие океаны.

Юля посмотрела на серьёзное лицо друга.

– Дим, ты сейчас, точно строгий папаша, который никого не сочтёт достойным для своих ненаглядных дочек.

– Хотите верьте, хотите нет, но я так чувствую, Жаль, не могу вас уберечь... – вздохнул Дмитрий.

– Дим, а какая девушка тебе понравится? – любопытствовала Юля.

– Точно, – подхватила Ася. – Столько раз тебя спрашивали, ты вечно отшучивался.

– Внешность не имеет значения. Мне нужна такая смешливая, как Юлька, но хозяйственная, умеющая готовить, вести дом, как Ася. Боюсь такую встретить трудно – так и помру холостяком, – хмыкнул Дмитрий. – А если серьёзно, понятия не имею.

В общежитие добрались к пяти вечера. Соседка находилась в комнате и занимала привычную позицию: лежала на кровати. У подруг оставалась уйма времени, чтобы основательно подготовиться к походу в театр. Они распаковали покупки, прогладили платья. Вернувшись из душа, стали наносить макияж. Юля, покосившись на Леру, вытащила из тумбочки фен.

– Как думаешь, она будет ругаться, если я его включу? – шёпотом спросила она у Аси.

– Не буду. Я уже встаю, – заявила Лера. – А вы куда-то намылились?

– Нас пригласили в театр, – вежливо произнесла Ася. – Ой, Юль. Уже шесть часов, а ты не ответила Никите. Он, наверно, ждёт твоего звонка.

Юля выключила фен.

– Точно. Совсем из головы вылетело.

Она отыскала в сумке телефон и только собралась набрать номер, как раздался звонок. На дисплее высветилось: Никита.

– Слушаю.

– Юля, привет. Ты не позвонила...

– Извини, совсем забыла. Я принимаю твоё приглашение.

– Тогда встречаемся у вашего общежития в семь часов, – обрадовался Никита. – Спасибо, Юль. Дан передаёт привет Асе.

– Что он сказал? – накручивая на плойку прядь волос, спросила Ася.

– В семь возле общаги. – Юля сделала вид, будто что-то бросает. – А это Дан привет передал.

Услышав имя Дан, Лера замерла, потом повернулась к Асе.

– Редкое имечко. А его фамилия случайно не Ильичёв?

Ася кивнула.

Кривая ухмылка появилась на заспанном лице Леры.

– Так это с ним и его дружкой Никитой вы собрались в театр?

– Да и что? – холодным тоном поинтересовалась Ася.

– Мне до фонаря, но эти викинги вам не по зубам.

Юлю разозлило пренебрежение и презрительная гримаса на лице соседки.

– Откуда тебе знать, по зубам нам они или нет?

– Оттуда, – загадочно произнесла Лера. – Скажем так, я неплохо знаю этих ребят.

Ася открыла рот, чтобы задать вопрос, но Лера покачала пальцем перед собой.

– Больше ничего вам не скажу. Захотите, сами узнаете. Не люблю лезть в чужие дела.

Юлька прикусила губу.

«Вот зараза! Испортила настроение. Что за человек, сказала А, надо говорить и Б. А теперь думай-гадай».

Лера, вскочив с кровати, переделась в джинсы и футболку, покидала в сумку какие-то вещи и, надев плащ, посмотрела на себя в зеркало. Увиденное её явно удовлетворило. Она

провела расчёской по волнистым жгуче чёрным волосам. Нацепив кепку, низко опустила её на лоб. Помахав рукой, ехидно процедила:

– Повеселите там рябят.

Когда за ней захлопнулась дверь, Юля возмутилась:

– Какого чёрта? Что она из себя строит?

Ася оглядела часть комнаты, отчерченную маркером и принадлежащую Лере. Стол завален тетрадками, альбомами, вперемежку с остатками печенья, обёртками от конфет, упаковками от быстрорастворимой лапши. На подоконнике, украшенном чайными и кофейными кружками, высилась пара больших кружек, давно позабывших мытьё. Постельное бельё на кровати, менялось так редко, что приобрело сероватый оттенок.

– Правила проживания нам диктовала, а сама неряха и пофигистка. Это всё, что пока я могу сказать о ней.

Ася и Юля покинули комнату без пяти минут семь, из двери общежития появились в нужное время. Их красивые наряды скрыли светлые плащи, поэтому в вечерних сумерках они выглядели обыденно. На улице подруг встретил Никита.

– Ничего себе точность. Обычно девушки опаздывают. А вы просто молодчины, – похвалил он их. – Ребята ждут нас неподалёку, на парковке.

Девушки переглянулись.

«Ребята? Значит, кроме Дана кто-то ещё идёт с ними в театр?»

Но задавать вопрос не стали, молча отправились следом за Никитой. Стоянка оказалась рядом со стадионом. Возле тёмно-синей машины, опёршись на капот, их ожидал Дан. С лавочки под клёном поднялся Гай. При виде него сердце Юли сделало кульбит и застучало с частотой пулемётной очереди. Для неё это был радостный сюрприз. Дан открыл дверцу и приглашающим жестом показал Асе, мол, присаживайся. Гай, опередив Никиту, распахнул вторую дверь авто. Дан сел за руль, Никите пришлось занять место впереди. Гай опустился на сиденье рядом с Юлей. Она пожалела, что одета в плащ, сейчас бы сквозь тонкую ткань платья ощутила тепло тела Гая, но и так была счастлива, впервые видя его столь близко. Она украдкой косилась на его лицо. Свет дорожных фонарей, мелькая, выхватывал его строгий классический профиль. Юля, вдохнув исходящий от Холодова свежий цитрусовый аромат, поняла: даже его парфюм ей нравится. Никита, повернувшись к ним, поинтересовался:

– Девочки, вы любите театр?

Ася хмыкнула.

– Юля предпочитает оперетту, за два года пребывания в Краснодаре несколько раз таскала меня и Димку в Музкомедию. Я тоже не в особом восторге от театра, к сожалению, артисты часто играют ненатурально.

Гай посмотрел на смущённую Юлю.

– Почему же сразу не сказали, что драмтеатр вам не по душе, мы бы вас в цирк повели. – В его словах ощущался сарказм и насмешка.

Юля, не отводя взгляда, с улыбкой пояснила:

– Тут ведь вот в чём дело: важно не куда идти, а с кем.

Серые глаза Гая заглядывали в самые зрачки девушки, заставляя её сердце пропускать удары.

– Юля, спасибо, что согласилась, – прервал их безмолвное сражение взглядов Никита. – В следующий раз пойдём в музкомедию.

Ася, вспомнив о словах соседки, рискнула задать вопрос.

– Нас поселили в одну комнату с весьма странной особой, она уверяет, что хорошо вас знает?

Никита нахмурился.

– И как же зовут эту особу?

– Крайнова Валерия.

Юля и Ася заметили, как сразу встревожился Никита, услышав имя и фамилию их соседки по комнате.

– И что же она поведала про нас? – глухо произнёс Дан.

Ася уловила в его голосе досаду и злость.

– Вообще ничего. Просто сказала, что знает вас.

Дан осторожно выдохнул.

– Не берите в голову, за четыре года мы перезнакомились со многими студентами. С этой Лерой у нас шапочное знакомство. Просто она необычный человек, вот и обратила на себя внимание.

К театру подъехали в половине восьмого. Девушки в сопровождении Никиты и Гая поднялись по ступенькам к входу в театр, Дан отправился парковать машину. Через пять минут он появился перед ними, вручил билеты Гаю. Никита возмутился:

– Не понял, а мне?

– Твой билет у Холода. Наши с Асей места немного дальше от ваших.

У стойки гардероба девушки сняли плащи и наконец смогли увидеть, какое впечатление произвел на парней их парадный вид. Старания не прошли даром: Никита, глядя на Юлю, невольно сглотнул слюну, даже у Гая расширились зрачки. Платье необычного зеленовато-голубого цвета подчёркивало все изгибы точёной фигурки Юли. Волосы, собранные в высокий хвост открывали стройную шею, а кружевной воротничок добавлял нежности к облику девушки. Ася тоже была необыкновенно хороша в своём наряде, воздушность ткани и особый покрой платья приглушили её выдающиеся формы, придав внешности трогательность. Гай с удивлением обнаружил, что глаза Юли приобрели колдовской зелёный оттенок, точно в тон платья. Он подумал, что вероятно ошибался и плохо разглядел, какого цвета её глаза на самом деле. Никита, не скрывая своего восхищения спутницами, довольным тоном заявил:

– По утрам без макияжа я считал вас красивыми, но при полной боевой раскраске, вы поразили меня в самое сердце. – Согнув руку в локте, он предложил Юле сопроводить на её место в партере.

Ася, переведя взгляд с одного парня на другого, заключила:

– Вы тоже выглядите замечательно.

И это была правда. Девушки не ожидали, что ребята придут в костюмах, а главное, они будут смотреться в них естественно. Ася и Юля не знали, что троица парней не раз участвовала в научных конференциях, и к костюмам давно привыкла.

Гай ухмыльнулся. Друзья, как павлины распушили хвосты и всем видом показывали другим мужчинам, находящимся в фойе театра: эти женщины принадлежат им. Их не смущало, что это не совсем верно. Никите хотелось усадить Юлю подальше от Гая, но у него ничего не вышло. Они оказались по обе стороны от девушки.

Юля чувствовала себя неудобно, находясь между парнями. Ей не нравилась эта ситуация: хотелось остаться наедине с Гаем.

Когда в зале погасили свет, она с двух сторон ощутила, как её пальцев коснулись руки ребят. Ощущая себя в глупейшем положении, Юля неожиданно для себя тихо засмеялась. Высвободив руки, положила их перед собой на колени. Смех девушки заставил Гая улыбнуться. Театрал, сидящий впереди них, сердито шикнул.

– Молодые люди, извольте не мешать тем, кто пришёл насладиться спектаклем.

Юля фыркнула, давая в себе, рвущийся нервный смех. Только бы не расхохотаться в голос, иначе окончательно опозорится перед Гаем. Ей удалось сконцентрироваться на том, что происходило на сцене, но ненадолго. У актёра, играющего короля Лира, оказался визгливый голос, который не сочетался с его внушительной фигурой. Как только он начинал свои реплики, Юля

кусала пальцы, чтобы не захихикать. Едва выдержав окончание первого акта пьесы, в антракте она взмолилась:

– Вы как хотите, а я пас. Больше не смогу вынести этого писклявого дядьку.

Ася сначала сделала круглые глаза, потом умоляюще посмотрела на подругу. Никита же махнул рукой.

– А я согласен с Юлей, играют не очень. Как сказал Станиславский: не верю. Кто хочет, пусть остаётся, а мы лучше погуляем по городу. – Он повернулся к Юле. – Как тебе идея?

– Отличная. Ась, ничего, что я уйду?

Ася кивнула.

Никита отправился получать одежду в гардероб, когда вернулся, застал Гая и Юлю одних.

– А ты чего тут? Спектакль уже начался.

Гай, не обращая внимания на сердитое лицо друга, забрал плащ Юли и помог ей одеться

– А я тоже не верю.

К счастью, на улице совершенно стих ветер, установилась сырая, но не холодная погода. Никита предложил зайти в кафе и выпить по чашечке кофе. К кофе он хотел заказать мягкое мороженое, но Юля сразу пресекла эту попытку.

– Я не ем мороженое. Лучше кусочек торта.

Никита удивился.

– Сначала я подумал, ты, как другие девушки, сидишь на диете, но кусочек торта озадачил.

– Просто я не люблю мороженое.

Гай смотрел, как она лакомится тортом и не заметил, как съел свой кусок.

– Никита прав, глядя на тебя, можно слопать что угодно, всё кажется вкусным. – Заметив на тыльной стороне ладони Юли синяк, полюбопытствовал:

– Где так приложилась рукой?

Юля, высунув розовый кончик языка, лизнула ложку.

– Ворону хотела погладить, а она клюнула. Решила, что я у неё хлеб отберу.

Никита засмеялся.

– Ты и за воронами гоняешься?

– Она сама подошла. Мокрая и несчастная такая.

После кафе на улице показалось свежо. Гай предложил взять такси до общежития. Юля расстроилась: не хотелось с ним расставаться. К её радости Никита отверг это предложение.

– Давайте пройдемся, во время ходьбы согреемся и ещё немного пообщаемся. Юль, расскажи, откуда ты родом? Интересно узнать о тебе.

Они сошли с тротуара, пересекли дорогу и направились к аллее. Здесь прохожих было меньше, а идти удобнее.

Юля немного рассказала о детстве с Асей и Димой. Припомнила пару смешных случаев, произошедших с ними.

– Завидую вашей дружбе, я тоже хотел бы стать тебе другом, – заявил Никита, когда она замолчала.

– Ну, можно попытаться, – неуверенно произнесла Юля, не зная, как реагировать на его слова.

– А я не хочу быть другом, – неожиданно произнёс Гай.

Юля похолодела: неужели он её отвергает? Надежды нет даже на дружбу? Гай остановился под фонарём, тяжёлым взглядом посмотрел на неё.

– Думаю, не стоит ходить вокруг да около. Уверен, я тебе нравлюсь. Поэтому хочу быть твоим парнем. Что скажешь?

Никита в негодовании воскликнул:

– Холод, какого чёрта! Мы ведь договорились, не торопиться и дать ей время выбрать.

Гай усмехнулся.

– А, по-моему, она уже выбрала. Я прав? – он протянул Юле руку. – Твоё решение. Надеюсь, ты не трусиха и не станешь жеманиться.

Никита схватился за голову. Он чувствовал себя так, будто ему вонзили нож в спину, настолько неожиданным для него было поведение Гая.

– У меня нет привычки жеманиться. Ты прав, я влюблена в тебя, – дрогнувшим от волнения голосом произнесла Юля. – Но это мои чувства, а что насчёт тебя? Почему ты хочешь быть со мной?

Никита резко выдохнул. Он ощутил глухую, безнадежную тоску. Оставалось только уйти, ему не хотелось слушать этот разговор дальше.

Гай посмотрел вслед другу, быстро удаляющемуся от них по аллее, и честно сказал:

– Пока я не влюблён, но ты мне нравишься. А главное, интересуешь, как человек.

– Понятно. Тогда попробуем? – теперь Юля протянула ему руку. Внешнее спокойствие давалось ей нелегко, но она держалась изо всех сил.

Гай пожал протянутую руку.

– Видеться будем не часто. Я очень занят исследованиями, – он достал телефон из кармана пиджака. – Дай-ка мне свой номер.

Глава 6

Всё прежнее общение Гая с девушками строилось по одному принципу, он играл в любовь до тех пор, пока представительница слабого пола не надоедала ему, тогда спокойно расставался. Первым Гай никогда не начинал отношения, просто уступал девушке, которая оказывала ему знаки внимания. Конечно, он соглашался, если она ему нравилась, но всё равно инициатива исходила именно от дам. А вот зачинщиком разрыва всегда выступал Гай. Три раза это происходило по одному сценарию: сначала ему было интересно и забавно, но потом у каждой девушки возникали непонятные для него претензии: мало уделяет внимания, друзья для него важнее, слишком сухие отношения, подарков и красивой романтики не дожидаться. Как только начинались пока ещё слабые попытки контролировать его свободу и манипулировать чувствами, он предлагал разрыв. Следующим мучительным этапом, который он еле выдерживал, были старания девушек заставить его передумать. Но его не останавливали ни слёзы, ни мольбы или угрозы. Он считал, лучше вытерпеть обвинения, чем продолжать надоевшие отношения. В конце концов каждая бывшая подружка смирялась со своей участью, и либо начинала его ненавидеть, либо избегать. Глупые попытки девушек вызвать ревность на него не действовали, сердце Гая оставалось холодным и равнодушным. С Юлей сначала всё пошло также, девушка первой обратила на него внимание. Целый месяц он ловил на себе её взгляды, но она ничего не предпринимала для сближения с ним. Сколько бы продолжались эти переглядывания неизвестно. Никите и Дану понравились подружки и они начали подходить к ним на стадионе и в столовой. И хотя по Юле было видно, кому она отдаёт предпочтение, у Никиты оставалась маленькая надежда на взаимность.

Когда в театре погас свет, и они оба взяли руки Юли в свои, Гай не ожидал, что так разозлится на друга. Реакция девушки на их попытку ухаживания была неожиданной: она засмеялась. Возникшее между ними напряжение ушло. Её искренность завораживала. Не боясь показаться глупой, она предложила удрать со спектакля. Они неплохо провели время, гуляя по улицам города. Юля оказалась хорошим слушателем и неплохой рассказчицей. Момент, когда он совершенно неожиданно предложил Юле стать его девушкой, Гай посчитал временным умопомешательством. Сам не понимал, что тогда с ним произошло. Сожаление о своём поступке настигло его быстро, поэтому он довольно сухо попрощался с Юлей. Никита, ожидающий его в общежитии, накинулся с упрёками.

– Скажи честно, она тебе нравится? Или просто уступить мне не хотел?

Гай повесил пиджак на плечики в шкаф. Поддёрнув брюки на коленях, опустился на стул.

– Она меня заинтересовала.

– И всё? Может, пока у вас всё не началось, остановишься? Мне-то она сильно нравится.

Гай подумал, зря Никита решил на него надавить. Этот номер с ним никогда не проходил.

– Утешишь, когда я её брошу.

Никита сжал кулаки.

– Не надо так с ней. Неужели ещё не понял, Юля не похожа на тех девушек, с которыми ты встречался раньше.

Гай усмехнулся.

– Все они в конечном итоге одинаковые. Даже лучшие из них либо выносят мозг, либо ранят сердце. Не обольщайся на её счёт.

Никита в досаде стукнул кулаком по спинке кровати.

– Эй! Чего расшумелись? Даже за дверью слышно, – осадил друзей вошедший в комнату Дан. – Почему сидите без света?

– Гай поступил нечестно, предложил Милахе встречаться, – буркнул Никита.

Дан, щёлкнув выключателем, развёл руками.

– Что тут нечестного? Кто не успел, тот опоздал. – Он быстро разделся. Повесив банное полотенце на плечо, довольно ухмыльнулся. – Моим рукам сегодня довелось коснуться такого натурального богатства, что я просто блаженствую. – Он изобразил, будто трогает женскую грудь. – Вы не представляете, как она мило смущается. Прямо сама невинность. Хочет показать, что вся такая неискушённая и порядочная.

На лице Никиты появилась кривая улыбка.

– Ты её лапал в первый же вечер? Что, если она не притворяется?

– С такой-то внешностью? И я не лапал её, а нечаянно касался женских прелестей. Даже поцеловал только в щёчку, чтобы не спугнуть.

– Вы оба дебилы, – сделал вывод Никита. – И я такой же идиот, как вы.

На следующее утро Гай не пошёл ни на пробежку, ни на стадион. Встретился с Юлей лишь за завтраком, Кивнув, сухо поинтересовался:

– Как настроение?

– Теперь отличное, – она одарила его такой радостной улыбкой, что ему захотелось немедленно скрыться с глаз.

«Господи, нельзя же быть такой откровенной», – подумал Гай, а вслух произнёс:

– Сегодня вечером мы не увидимся, в лаборатории много дел, если буду свободен, позвоню завтра.

Дан протянул Асе стакан сока.

– Это тебе. Захватил в буфете. Кстати, я тоже сегодня занят, как насчёт завтрашнего свидания?

Юля, прожевав котлету, снова одарила Гая улыбкой.

– Ничего страшного, спокойно занимайтесь своими делами. И у меня, и у Аси вся неделя расписана под завязку, закончим оформление витрины магазина только к субботе.

– Оформление? – удивился Дан. – В смысле?

Дмитрий усмехнулся.

– Вы ещё многого о них не знаете. Девочки известны в узких кругах, их приглашают оформлять витрины магазинов, разрисовывать стены в детских садах, кафе, и комнаты в некоторых домах.

– Видели новый магазин стройматериалов, который открылся неподалёку от студгородка? – поинтересовалась Юля у парней.

Глаза Никиты расширились.

– Так это вы изобразили там королей дрели и молотка?

Ася улыбнулась.

– Наша работа. Скажи, мимо не пройдёшь?

– Это точно. Что на этот раз вы делаете?

Юля хмыкнула:

– Мечту всех девушек. Заказ от владелицы свадебного салона. Нам нужно успеть к открытию.

Гай не понимал себя, только что хотел отложить встречу с Юлей, но услышав, что она будет занята всю неделю, раздосадовался. Она не жаждет с ним увидеться? Кто тут вообще в кого влюблён?

– Что ж тогда передвинем всё на субботу, – предложил он.

– Буду ждать, – кивнула Юля.

В лаборатории Дан, подсев к столу Гая задумчиво произнёс:

– Кажется, с девушками легко не будет. Я думал: Юля спит и видит, как бы до тебя добраться. А она спокойно сообщает, что занята.

Гай оторвался от микроскопа.

– Разве это плохо? Чем меньше будет надоедать, тем лучше.

В октябре на Кубани случаются необыкновенно тёплые дни, словно лето ненадолго возвращается, чтобы порадовать осень ярким солнцем. Гай виделся с Юлей по утрам, иногда в обеденный перерыв в столовой, и всякий раз ловил себя на мысли: эти прекрасные дни проходили впустую, без свиданий с нею. И хотя встречи были короткими, вокруг него и Юли мгновенно создавалось какое-то особое эмоциональное поле, искрящееся напряжением, удивительно, но это ощущали все, кто находился поблизости. Дан подшучивал над другом.

– Неподдельные чувства Акации растопили наш айсберг. Хотя ты не признаёшься, что Юля тебе нравится, поверь, со стороны это заметно.

В пятницу после занятий они, не сговариваясь, отправились оценить работу девушек. Сначала рассмотрели необычную витрину магазина строительных материалов, затем пошли к свадебному салону.

Вместо привычных манекенов в свадебных нарядах у левого края витрины имелось огромное фото: парень и девушка в светлых одеждах, взявшись за руки, брели по берегу моря. Далее чуть в стороне и немного в глубине, парень, стоя на одном колене, делал предложение своей любимой. В центре витрины эта же пара, но уже в свадебных нарядах. Фигуры молодожёнов, освещённые мягким приглушённым светом, создавали центр композиции, но не затеняли её. Ближе к правому краю витрины бывшие молодожёны, а теперь уже супруги шли по лугу, ведя за руки детей: мальчика и девочку. Благодаря подсветке и разной удалённости от зрителя фотоизображений получалась объёмная картина. На заднем фоне можно было разглядеть дом с мансардой, детей, качающихся на качелях, мужа и жену на скамейке в саду. Гай пригляделся и обнаружил, что достоверности всей картине добавляли настоящие детали: кусты и цветы из пластика, керамические вазы, скамейка из натуральных дощечек, настоящий песок на целлюлозном пляже.

– А где же девочки? – произнёс Дан удивлённо, не обнаружив Асю и Юлю. – Ася по телефону сказала, что ещё находится здесь. Судя по витрине, работу они уже закончили. – Он фыркнул. – Идея оформления лежит прямо на поверхности: мы торгуем не свадебными нарядами, а мечтами о будущей счастливой супружеской жизни. Эти мечты они и показали здесь во всей красе.

Никита не согласился с ним.

– Когда они сделали это, тебе сразу стало понятно. Однако, больше нигде я не видел такого оформления. Как и в магазине стройматериалов, там они вручили молотки и дрели видным мужикам, изобразили, что жёны смотрят на них с обожанием. Витрина сразу стала интереснее.

В кармане ветровки Гая зазвонил телефон. Вытащив его, он бросил взгляд на дисплей – звонил отец.

– Отойду поговорю.

Дан, кивнув ему, решительно направился к входной двери салона.

– Сейчас узнаем, куда они подевались.

Никита отправился следом за другом.

Гай нажал на кнопку приёма.

– Слушаю.

– Сынок, ты должен приехать и поговорить с мамой. На этот раз она собирается уйти от меня насовсем, хочет уехать в Чехословакию.

Гай вздохнул. В этом году матери исполнялось пятьдесят, а она всё не желала успокаиваться. Бесконечные загулы родительницы хоть и поднадоели, но уже стали привычными, как восход солнца по утрам.

– Пап, успокойся. Она всегда так говорит, но каждый раз возвращается. Просто потерпи немного. Ты же знаешь, она никого слушать не будет. К тому же я сейчас занят исследованиями и учёбой.

Гай не видел смысла в разговоре ни с матерью, ни с отцом. Отношения родителей напоминали бег белок в колесе: все постоянно возвращалось на круги своя. Никто из них не хотел ничего менять, а он порядком устал от их взаимных обвинений.

– Сынок, мне очень плохо...

Гай убрал телефон от уха, потом и вовсе опустил его в карман. Покосившись на витрину, изображающую безоблачное семейное счастье, криво улыбнулся. Самая большая иллюзия – это идиллия в семейной жизни. Чтобы точно контролировать свою жизнь, нужно оставаться одному. Надеяться можно только на себя. Посчитав, что отец уже должен выговориться, он поднёс телефон к уху.

– И всё-таки постарайся приехать. Вдруг сможешь убедить маму.

– Извини, пап, не могу. Держись, мысленно я с тобой.

Из салона вышли Дан и Никита. Глядя на их смущённые лица, Гай заподозрил неладное.

– Вы чего такие?

Дан отвёл глаза, Никита улыбнулся.

– Мы попали в самый неподходящий момент, девчонки как раз примеряли свадебные платья. Они не ожидали, что мы без предупреждения туда ворвёмся. У обеих был такой вид, будто готовы провалиться сквозь землю. А я рад: увидел Юлю в белом платье. Она в нём классно смотрится. Хоть сейчас готов на ней жениться. Ася тоже хороша в роли невесты.

Дан почесал пальцем бровь.

– Так глупо получилось. И им неловко, и нам.

Гай хмыкнул.

– А если они специально так сделали?

Никита вступился за девушек.

– Точно не специально, директор салона сказала: еле уговорила их померять платья.

– И ты веришь? – поддержал друга Дан. – Женская солидарность – великая сила.

Никита разозлился.

– Зачем вы вообще хотите встречаться с ними, если подозреваете их во всём?

– А ты чего вдруг стал таким понимающим? – Дан похлопал Никиту по плечу. – Позволь нам самим разобраться... – Он замолчал, заметив, что девушки вышли из салона.

Гай бросил взгляд на Юлю и вдруг пожалел, что не видел её в свадебном платье. Интересно, понравилось бы ему, как она выглядела.

– Привет. Вы освободились?

Юля кивнула.

– С нами полностью рассчитались. Теперь мы богаты. Да, Ась?

– Точно. Ребята, пойдёте с нами ужинать? Мы с Юлей голодные, как волки. Сегодня мы угощаем. Вам нравится абхазская кухня?

Никита поднял руки.

– Я за. Мне всё равно, что есть.

Гай кивнул.

– Можно попробовать,

Ребята даже не подозревали, что в Краснодаре имеется ресторан с абхазской кухней. Юля заказала солянку, попросив сделать её менее острой, хачапури с сыром и рулетики из баклажанов. Дан, попробовав солянку, удивился:

– Не похожа на обычную солянку. Скорее напоминает гуляш с травами.

– Она готовится из свежей говядины, лука, томатов и солёных огурцов, – объяснила Юля. – Я её очень люблю. У нас дома только папа готовит солянку, маме не доверяет. Правда, у него она получается жгуче-острая.

Дан, решив отметить первую совместную трапезу вне привычной столовой, заказал красное вино. Юля не стала прихлёбывать по глоточку, выпила сразу весь бокал и принялась с аппетитом уплетать еду. Гай посмотрел на её порозовевшие щёки, блестящие глаза и невольно залюбовался лицом девушки. Для себя он решил, раз его тянет к ней, сопротивляться больше не будет. В конце концов молодость даётся один раз, когда ещё наслаждаться жизнью, как не сейчас.

Гай думал, что из-за неопытности Юли в амурных делах их отношения будут развиваться медленно и со скрипом, поэтому не собирался торопить события. Но всё оказалось не так, как он предполагал. На первом же свидании произошло то, к чему он совершенно не был готов. В тёмном кинозале Гай взял руку Юли в свою ладонь, нежно погладил большим пальцем атласную кожу на внутренней стороне сгиба кисти, ощутил, как убыстрился пульс девушки. Она осторожно высвободила пальцы и, наклонившись к уху Гая, прошептала:

– Вряд ли я смогу смотреть фильм, когда ты так касаешься моей руки.

Гай повернул голову, их лица почти соприкоснулись.

– Тебя это волнует?

Юля ощутила его дыхание на своём лице, наклонилась ещё ближе, теперь её губы находились лишь в паре сантиметров от его.

– А тебя?

Гай, уловив чистый, нежный аромат, присущий девушке, почувствовал, как его ровный сердечный ритм дал сбой. Ему захотелось прикоснуться к её губам, но она быстро отодвинулась. Он испытал лёгкую досаду. Юля, покосившись на его лицо, плохо различимое в мигающем свете от экрана, снова наклонилась к нему.

– Я против поцелуев в кинозале. Меня это смущает.

Гаю ничего не оставалось, как пожать плечами. Хотя, она вряд ли заметила это движение

– Понятно.

К счастью, кинокартина попалась интересная, а Юля оказалась очень эмоциональным зрителем. Вскоре Гай забыл о неловкости и с удовольствием стал наблюдать за реакцией девушки. В страшных местах она вскрикивала, закрывала глаза ладонями, хватала его за рукав куртки, а в особо опасных ситуациях переживала и негромко возмущалась. Как ни странно, просмотр фильма вместе с Юлей доставил ему огромное удовольствие и поднял настроение. Выйдя из кинотеатра, они минут десять делились впечатлениями. Гай бросил взгляд на часы.

– Девять вечера, до закрытия общежития ещё два часа. Куда направимся? Может, в кафе? Перекусим чего-нибудь.

Юля посмотрела на него и улыбнулась.

– Ты хочешь есть?

– Не очень. Я поужинал.

– Вот и хорошо, – обрадовалась Юля. – Давай перед сном прогуляемся по парку.

– Ладно, – Гай, взяв её руку в свою, повёл по аллее за кинотеатр.

Небольшой, но довольно старый парк располагался неподалёку от студенческого городка. Дома со всех сторон теснили этот клочок зелени. Дороги, будто гигантские удавы, оплетали его, грозя задушить в асфальтовых тисках, но пока он держался. В парке, преимущественно засаженном липами и клёнами, пахло сухой листвой, к этому аромату увядания добавлялся

горьковатый запах осенних цветов: дубков, хризантем, гелениума и бархатцев. Осень постаралась засыпать дорожки парка разноцветной листвой, и теперь она шелестела под ногами, создавая уютную атмосферу.

– Я ничего о тебе не знаю, расскажи хоть немного, – попросила Юля.

– Особо говорить не о чем. Родился в Армавире, там же провёл детство и юность, потом поступил в университет. Сейчас учусь на четвёртом курсе. Я единственный ребёнок в семье. Отец работает бухгалтером на заводе металлоконструкций, мама актриса театра. – Гай покопался на Юлю. – Ну как на вопросы твоей анкеты ответил?

– В общих чертах, – хмыкнула она. – Оказывается, я жила в часе езды от тебя.

– Серьёзно? – удивился Гай.

– Ага. Я, Ася и Димка из Гулькевичи. Мы тоже единственные дети у родителей. Иногда я думаю, а почему так вышло? Родителям было лень заводить ещё детей? Или миссию по рождению наследников считали выполненной? Но меня никогда не расстраивало отсутствие братьев и сестёр, их мне заменили Димка с Асей. Моя семья попроще: мама домохозяйка, а папа дальнбойщик.

– Ты, я вижу, очень близка с Асей и Димой?

– Мы как родные.

Гай усмехнулся.

– Неужели никогда не ссорились?

– Ещё как. Даже дрались. Но всегда быстро мирились. Надо отдать должное родителям: они не устраивали из-за нас разборки. Правда, мы и не ябедничали. Я и Юля часто зависали у Димки дома, его мама шила нашим куклам платья, а мой папа любил играть с Димкой в шахматы и нарды. Бабушка Аси учила нас готовить. Думаю, мы воспринимали свои семьи, как одну большую. Подрастая, поняли: у каждого взрослого свои недостатки и достоинства. И как бы нам ни хотелось, ничего изменить не получится.

– Завидую. Я таких друзей в школе не завёл.

– Зато встретил их в университете.

– Ты о Никите и Дане? Верно, мы подружились ещё на первом курсе. И четвёртый год живём в одной комнате. – Гай, заметив, что она стала прихрамывать, подвёл Юлю к скамейке. – Натёрла ногу?

– Нет. Камешек в туфлю попал. Я как раз собиралась остановиться и вытряхнуть.

Гай опустил на корточки, снял туфлю с ноги Юли. Вытряхнув крохотный кусочек гальки, надел обувь снова. Его тёплые пальцы коснулись ступни и щиколотки девушки. Она едва удержалась от соблазна: ей хотелось дотронуться до его волос на макушке. Гай поднялся и сел рядом с Юлей на скамейку.

– Ты не продрогла? У тебя пальцы ног ледяные. В следующий раз вечером надевай сапоги.

– Хорошо, – улынулась она.

Ей была приятна его забота. В зрачках Гая отражался свет фонаря, Юле показалось, что его глаза таинственно мерцают. Она посмотрела на губы Гая, потом опустила взгляд на шею: туда, где едва заметно чернела родинка, вторую ниже уха разглядеть не удавалось. Протянув руку, скользящими движениями провела по шее Гая, пытаясь ощутить кончиками пальцев родинку. Эта ласка была для него настолько неожиданной, что он растерялся. Несколько долгих секунд Гай смотрел на Юлю, не замечая, что шумно и тяжело дышит. Наклоняясь для поцелуя, он как загипнотизированный не сводил взгляда с её блестящих от волнения глаз. Поцелуй начался с нежного, лёгкого касания, они будто пили дыхание друг друга, пробуя его на вкус. Им обоим не хотелось прерывать или усиливать эти нежные прикосновения, но желание уже зародилось и не просто пришло, а потекло огнём по венам, заставляя дыхание сбиваться, а сердце частить. Иногда случается чудо, две прежде разъединённые души сливаются воедино.

Происходит соединение не только на физическом, но и на духовном уровне. Ни Гай, ни Юля не осознавали этого, их просто ошеломила сила удовольствия, которую они испытывали, целуясь. Ощувив нехватку воздуха, они с неохотой оторвались друг от друга. Гай не подозревал, что в нём таится столько страсти. Если бы ему раньше кто-то сказал, что у него, как у слаонервной девушки, от поцелуя закружится голова, не поверил бы. Но так оно и произошло. Гай отодвинулся от Юли, пытаясь придти в себя и хоть немного собраться с мыслями. Впервые в жизни он совершенно потерял контроль над своим телом и эмоциями.

Прерывисто вздохнув, она стала приглаживать растрепавшиеся от ветерка волосы. Её тоже оглушило силой влечения, это было прекраснее, чем она воображала или испытывала во сне. Юля посмотрела в его растерянное лицо – чёрный цвет расширившихся зрачков Гая захватил серую радужку, сейчас его глаза выглядели бездонными тёмными колодцами, в которые её неудержимо затягивало. Яркий свет фонаря несколько раз мигнул и погас, погрузив скамейку во тьму. Гай обнял Юлю за плечи.

– Ты не озябла? – его голос звучал так, будто у него болело горло.

– Немного, – прошептала Юля, обнаружив, что он снова сидит к ней вплотную. – Ногам холодно, а телу жарко, – тихо засмеялась она.

Мелодичный смех девушки отозвался в его душе волной нежности. Он взял её лицо в свои ладони и снова принялся целовать. Спустя время Гаю пришлось собрать всю силу воли, чтобы оторваться от губ Юли. Взяв её руки в свои, обнаружил, что его пальцы дрожат.

– Извини, не знаю, что на меня нашло, обычно я не веду себя, как варвар. Ты совсем замёрзла, – он попытался согреть холодные руки спутницы дыханием.

Пока он её обнимал и согревал, Юля немного успокоилась и отошла от страстных поцелуев. Она ощущала себя необыкновенно счастливой: оказывается, этот Ледышка на самом деле горяч и вспыхивает костром, будто сухой хворост от маленькой искры.

Гай поднялся со скамьи, потянул Юлю за собой.

– Нам пора возвращаться, не хватало ещё простыть.

Ася вернулась в общежитие раньше подруги, до её прихода успела принять душ и улечься в кровать. Юля как можно тише отворила дверь в комнату, на цыпочках прокралась к шкафу.

– Включай свет, – послышался голос Аси. – Я ещё не сплю, а Леры нет дома.

Юля подбежала к подруге и порывисто её обняла. На Асю пахло свежим, холодным воздухом.

– Брысь от меня. Переоденься сначала, а потом обнимайся.

Юля повесила плащ в шкаф и снова ринулась к подруге.

– Тебе явно не терпится поделиться впечатлениями от свидания с Холодовым. Но будь добра сбегай в ванную комнату, приведи себя в порядок, тогда и поговорим, – остудила её пыл Ася.

Юля, поглощённая своими мыслями, не заметила, что та расстроена. Душ она принимала в ускоренном темпе, будто её подгоняла толпа немых людей, жаждущих немедленно добраться до воды. Переодевшись в ночную рубашку, Юля юркнула к Асе под бочок. В детстве они часто ночевали друг у друга и спали в одной кровати.

– Ась, я так счастлива. У меня от его поцелуев буквально крышу сносит. Думаю, ему тоже со мной понравилось. Как считаешь, это означает, что наши чувства взаимны?

– Трудно сказать. Твой Гай скупится даже на улыбку, а уж понять, что он чувствует, вообще трудно.

– Но если бы я ему была безразлична, он бы не пригласил на свидание?

Юля уткнулась лицом в плечо Аси. От подруги пахло шоколадом и орехами. Ася любила сладкие, но не приторные ароматы, даже шампуни и кремы покупала с запахом кофе, шоколада, арбуза или персика. Смешиваясь с её личным ароматом, эти запахи удивительным образом становились более тонкими и нежными.

- Почему ты молчишь? – нахмурилась Юля.
– Думаю рано судить о его чувствах. Время покажет.
– Какая ты у меня, Аська, прагматичная. Неужели тебе не понравилось, как целуется Дан? Или у вас первого поцелуя ещё не случилось?
– Случилось. Но у меня возникло такое чувство, будто я для него просто желанный кусок мяса, ну или лакомый обед.
– Что за сравнение? – Юля села в кровати. – Фи! Мясо. Почему тебе так показалось?
Ася тоже села в кровати. Её карие глаза были грустные и печальные.
– Понимаешь, он шутил, веселил меня. Время от времени смотрел загадочным взглядом, и будто невзначай касался плеч, рук, талии. Но в этих прикосновениях не ощущалось души, словно он ощупывал товар: годится или нет? Я позволила ему поцеловать себя, уж слишком настойчиво он этого добивался. Но знаешь, снова поняла: механически он участвует в процессе, а его мысли где-то далеко. Если моё тело можно обмануть, то душу вряд ли. В глазах Дана не отражалось ничего, кроме обычной похоти.
Юля облокотилась о спинку кровати, укрыла ноги одеялом.
– А ты не могла ошибиться? Мне вот казалось: Гай улетал вместе со мной. То, что я испытала с ним, трудно передать словами.
– Я рада за тебя. Вдруг Холодов и, правда, тот самый единственный. Это было бы замечательно.
– Ась, не переживай. Вдруг твои чувства тебя обманули.

– Входи, не бойся. Можно негромко разговаривать. Хотя наша соседка ещё дрыхнет, делает она это в берушах, так что ничего не услышит. – Ася подтолкнула Диму, в нерешительности остановившегося на пороге комнаты.

Дмитрий обвёл глазами временное жилище подруг. Комната, разделённая на две неровные части, представляла собой забавное зрелище. На меньшей части, принадлежащей соседке Аси и Юли, уборка, видимо, делалась по мере необходимости, лишь когда куча хлама грозила пересечь черту, жирно проведённую маркером на линолеуме. На кровати, больше напоминающей логово беспризорника, спала девушка. Выглядела она живописно: половину её лица скрывала чёрная маска для сна, волосы, рассыпавшиеся по подушке, были длинные, густые и волнистые.

– Чего встал, как вкопанный? – тихо произнесла Ася. – Снимай штаны и садись на стул. – Она достала из тумбочки швейные принадлежности. – У меня как раз есть подходящие по цвету нитки.

Дмитрий, покосившись на спящую девушку, снял спортивные брюки, протянул их подруге.

– Как ты так ухитрился располосовать штанину? – удивилась Ася, разглядывая длинный разрез сбоку брючины. – Нет бы по шву порвал...

Дмитрий пробормотал:

– Сам не заметил. Почувствовал лишь, когда ноге стало холодно. На брусках оказалась забуринка, её нужно спилить, пока никто не поранился. Сумеешь зашить?

– Запросто.

Дверь комнаты со стуком распахнулась. Юля, держа в обеих руках по пакету, ввалилась в комнату.

Ася взволнованно прошипела:

– Тише ты. Если разбудишь Леру, скандала не оберёшься.

– А уже поздно, – процедила Лера, откидывая одеяло и садясь на кровати. – Сбросив с лица повязку, она вынула беруши из ушей. Взяв телефон, посмотрела на дисплей. – Какого чёрта! Сегодня выходной. Только девять двадцать утра. А вы тут раскудахтались как курицы. – Заметив незнакомого парня, сидящего на стуле в одних трусах, она не смутилась, а лишь с любопытством стала его разглядывать. – Ого. Уже и любовничков в комнату приводим.

Юля окинула сердитую соседку насмешливым взглядом, но ничего не сказала. Поставив пакеты на стол, принялась выкладывать покупки.

– Ась, пока ты зашиваешь штаны, я быстренько накрою на стол. Дим, ты с чем бутерброды будешь? С колбасой, сыром, с рыбой или с паштетом? А ещё я купила пирожинки.

– И с тем, и с другим, и побольше. – Дмитрий, протянув руку, снял со спинки кровати банное полотенце, прикрыл им голые ноги.

– Аллэ?! Я вам, что пустое место? – разозлилась Лера. – Я смотрю, тут у вас шведская семья образовалась. Одна штаны чинит, другая жрать готовит. Прежде чем мужиков на нашу общую жилплощадь приводить, у меня надо разрешение спрашивать.

Ася показала на чёрную линию.

– Он не пересёк чёрту. По правилам нашего общежития с девяти до двадцати двух часов мы имеем право пригласить любого гостя к себе в комнату и для этого твоего разрешения не требуется. И если уж на то пошло, именно ты создаёшь нам неудобства: мы вынуждены приспособливаться к твоему ритму жизни, а он далёк от нормального. Нам надоело ходить на цыпочках и разговаривать шёпотом. Именно ты нас будишь, когда глубокой ночью возвращаешься в общагу. Так кто у кого должен спрашивать разрешения?

Разъярённая Лера сбросила одеяло на пол и, подойдя к линии вплотную, заявила:

– Я живу так по необходимости, и объясняться перед вами не собираюсь. Если вас что-то не устраивает, можете выметаться из этой комнаты.

Она стояла посреди комнаты в одних трусах, тонком топике цвета хаки и почему-то вызывающе смотрела именно на Дмитрия. Он подчёркнуто равнодушно оглядел бледное лицо девушки, спутанную копну волос, топик, под которым вырисовывалась аккуратная грудь второго размера, голый пупок, простые хлопчатобумажные трусики, больше похожие на маленькие шорты, стройные ноги. И, хмыкнув, сделал заключение:

– Природа постаралась, но хозяйка данной фактурой распорядится просто отвратно, – он небрежно махнул рукой. – Можешь одеваться. Меня не интересуют неряхи. Если девушка не умеет или не желает наводить порядок в комнате, то и себя не станет держать в чистоте. От таких надо держаться подальше, а то неровён час подхватишь чего-нибудь.

Лицо Леры покрылось алыми пятнами. Переступив через чёрную линию, она наклонилась к Дмитрию.

– Как ты смеешь! Хочешь сказать, что от меня можно подцепить заразу?

Он посмотрел в глаза девушки, горящие обидой, и пожал плечами.

– Запросто. Если не вшей от тебя заведёшь, так лишай или чесотку точно. Ты бы для начала умылась.

Лера глубоко вдохнула, потом медленно выдохнула, сдерживая себя от желания вцепиться в красивое лицо парня. Его ярко-голубые глаза цвета весеннего неба смотрели на неё с лёгким презрением. Она вдруг увидела себя со стороны: неопрятную, с чёрными кругами вокруг глаз, в не свежем белье и смутилась. А от этого неловкого чувства разозлилась ещё сильнее.

– Больше всего я ненавижу таких благополучных деток как вы. Вам не нужно работать, чтобы обеспечить себя едой и одеждой, родители всё оплатят и поднесут на блюдечке. Ничего не знаете о жизни, а смеете презирать и указывать мне, – она задохнулась от негодования.

Дмитрий налил воды в стакан и протянул Лере.

– Выпей и успокойся. Наше знакомство началось неудачно. Ты ничего не знаешь о нас, а мы о тебе. Но именно ты создала о себе неприглядное впечатление. Как бы ты ни работала, – он махнул рукой, – доводить себя до такого состояния не стоит.

Тебя забыла спросить. – Лера вернулась к своей кровати, отыскала халат. Набросив его на себя, вышла из комнаты.

– Вот я закончила, – Ася протянула Дмитрию брюки. – Можешь надевать.

Юля выключила из розетки вскипевший чайник, разлила кипяток по чашкам.

– Прошу к столу. У меня тоже всё готово.

Они допивали чай, когда вернулась Лера. Она повесила влажное полотенце на батарею, набросила на кровать мягое покрывало. Даже сквозь размазанный макияж Дмитрий понял, что девушка симпатичная, но, увидев её чистое порозовевшее после душа лицо, поразился насколько Лера хороша.

Дмитрий, умоляющим взглядом спрашивая разрешения у подруг, предложил Лере:

– Садись, поешь с нами.

– Да что ты. А как же насчёт чесотки, неужели больше не боишься? – ехидно поинтересовалась она.

– Да вот глянул на твою отмытую кожу и понял: чесотки нету. Можно и пообщаться с приятной глазу девушкой.

Лера кивнула на Юлю и Асю.

– А твои жёны не заревнуют. Хочешь и меня к своему гарему добавить?

Юля засмеялась.

– Не волнуйся, ты будешь главной женой в его гареме.

Ася осторожно взяла Леру за руку, потянула к столу.

– Дима прав, наше знакомство нельзя назвать удачным. Извини, мы разбудили тебя, не дали выспаться после работы. В знак примирения поешь с нами. Юлька много всего накупила. Отмечаем удачную сделку, нам заплатили за оформление детской комнаты в полиции.

– Чего? – удивилась Лера. – Комнаты в полиции?

Ася слегка надавила ей на плечи, усаживая на стул. Юля подвинула соседке кружку с горячим чаем и тарелку с бутербродами.

– Видимо, хорошо заплатили, – Лера показала на тонкие оранжевые ломтики сёмги и бледно-розовые кусочки форели.

– Не очень. Пожмотились. Но у нас осталось от свадебного салона, – сообщила Юля. Она жмурилась от удовольствия, откусывая маленькие кусочки от бутерброда с рыбой.

– Вы и свадебный салон оформляли?

– Ага. Витрину, – подтвердила Ася. – И много ещё чего делали. Так что мы тоже работаем, а не только на родительские денежки полагаемся.

Лера вздохнула. Эта Юля так вкусно ела, что заразила её своим аппетитом. Она не заметила, как умяла с десяток бутербродов и выпила пару кружек чая, который ей подливал Дмитрий.

– Вы давно знаете друг друга?

Дмитрий наколот на вилку ломтик рыбы, посмотрел его на свет.

– Красотища-вкусотища, – он улыбнулся. – Мы повстречались, сидя в колясках. Девчонки и тогда были хорошенькие, хоть и совершенно лысые.

Юля стукнула Дмитрия по лбу указательным пальцем.

– Гордишься, что родился мохнатым, как бабуин. Тётя Тоня говорила: у него даже на спине пушок рос. Зато в первый класс ты пошёл подстриженным под ноль, а мы с Асей, как нормальные девочки в бантиках.

Дмитрий засмеялся.

– Как же, нормальные девочки, на три ваших волосины еле прицепили банты, почти клеили их к макушкам скотчем.

Лера улыбнулась.

– А почему вас остригли?

Ася ответила на её улыбку смехом.

– Перед самой школой родители обнаружили у нас вшей. У Димки были такие густые волосы, что они не стали возиться и просто побрили ему голову. А нас остригли так коротко, что банты еле держались на бошках.

– Понятно, вы вместе с пелёнок, – кивнула Лера. – Извините, я неправильно вас поняла.

Подсохшие волосы Леры, небрежно сколотые шпильками, вились крутыми колечками, ореолом окружая её голову. Дмитрию захотелось прикоснуться к ним. Интересно, они мягкие или нет?

– Если не секрет, где ты работаешь? – спросил он, убирая от Леры пустую тарелку и подвигая наполненную бутербродами.

– Через день пою в ресторане, иногда выступаю на частных вечеринках, – Лера неожиданно для себя с лёгкостью поделилась секретом с сотрапезниками.

– Вот где ты пропадаешь по ночам, – воскликнула Юлия. – Хотелось бы тебя послушать.

– Приходите в «Иберис» и слушайте, – усмехнулась Лера. – Хотя я бы не советовала Асе появляться там по четвергам, – быстро добавила она.

Дмитрий удивился.

– Это ещё почему? Остальным значит можно?

Лера допила чай, погладила себя по впалому животу.

– Забудьте мои слова. Со временем вы их поймёте. Пока же я бегу впереди паровоза. – Она зевнула. – Спасибо за угощение. Пойду-ка я ещё вздремну. Вечером у меня выступление.

Юлия покосилась на соседку, та, свернувшись в калачик, легла поверх покрывала.

– Заинтриговала. Почему Асе не стоит ходить в этот ресторан по четвергам? Да мне теперь просто необходимо туда попасть именно в этот день. Гай спрашивал, где бы мне хотелось отметить день его рождения. Вот я и попрошу сходить в «Иберис».

Лера повернула голову

– Не стоит. Выбери другое место. Хотя... – Выдержав театральную паузу, она добавила: – Уверена, Холодов сам откажется туда идти.

– Теперь и мне стало интересно, – пробормотала Ася. – Почему мне не нужно появляться в этом ресторане.

Лера сердито буркнула.

– Мой язык – мой враг. Ты сама обо всём узнаешь. Просто мне показалось: ты хороший человек. Не хочу, чтобы расстраивалась.

Юлия подняла брови.

– Вот те раз. Ася значит хороший человек, а я тебе показалась плохой?

– Милые и улыбочивые девочки как ты многим нравятся, а у меня на таких аллергия.

Юлия горестно закатила глаза.

– Нет в жизни справедливости. Я не понравилась соседке.

Лера, зевнув, фыркнула.

– Брось сокрушаться. Зато ты классно кушаешь, у тебя с едой взаимная любовь. Ребята, дайте поспать, – попросила она.

– Хорошо, – кивнула Ася. Мы скоро уходим.

– Я тоже вас, мадам, покидаю, – Дмитрий отвесил Лере шутливый поклон.

После ухода Дмитрия подруги, пытаясь не шуметь, стали собираться на свидание.

– Ты куда пойдёшь с Гаем? – поинтересовалась Ася едва слышно.

– В кино. После сеанса немного погуляем по улицам, пока не замёрзнем. Знаешь, я завидую, что у Дана есть машина, будь она у Гая, я бы никуда не пошла. Сидели бы в машине и целовались, потом пили бы горячий чай из термоса и беседовали. Кроме как быть с ним рядом мне больше ничего не нужно, – посетовала Юля, снизив голос до шёпота.

Ася разволновалась.

– А не слишком ли ты форсируешь отношения. Неужели совершенно без ума от него?

Юля покаянно склонила голову.

– Без ума. Мне всё время хочется его видеть и прикоснуться.

– Надеюсь, ты ему об этом не сообщила? Или уже призналась в любви? – испугалась Ася.

– Мне он очень, очень нравится, но любовь ли это, пока не знаю. Зачем мне говорить ему о том, в чём сама не уверена.

Ася с облегчением вздохнула. Оглядев себя в большом зеркале шкафа, решила, что полностью готова к выходу на улицу.

– Не раскрывайся до конца. Обещай, что будешь держать себя в руках, – попросила она.

В её голосе Юля услышала мольбу и тревогу. Чтобы успокоить подругу, пообещала:

– Постараюсь.

Глава 7

Гай поднял голову от светящегося экрана ноутбука и посмотрел на Юлю, она сидела напротив него в пол-оборота, её профиль, освещённый угасающим декабрьским солнцем, заглянувшим в окно библиотеки, чётко вырисовывался на фоне зимнего пейзажа. Он полюбовался на её прямой, с немного вздёрнутым кончиком нос, на губы, дарящие ему незабываемые минуты блаженства, на пушистые ресницы, нежную кожу щёк и подумал, что ему никогда не надоест смотреть, как меняется выражение на лице Юли по мере того, что она читала в книге. Он мог сразу сказать: попало ли ей что-то весёлое, загадочное или грустное. Ему нравилось наблюдать за тем, как одна эмоция на её лице сменялась другой. Этой холодной зимой набралось не так много мест, где можно долго оставаться рядом – библиотека оказалась именно таким местом. Здесь они, просиживая часами, готовились к занятиям, выполняли задания преподавателей. Когда уставали, то выбирались на улицу, побродить на свежем воздухе или шли в студенческую столовую перекусить. Друзья шутили, что они будто приклеились друг к другу и расставались лишь на время лекций и сон. По утрам Гай чувствовал себя счастливым от одной мысли, что скоро увидит Юлю. Уже поняв: его девушка не любит открытое проявление чувств при посторонних, всё-таки ухитрился украсть у неё быстрый поцелуй во время утренней пробежки, на стадионе или в коридоре университета. Гай обнаружил: когда появляется его Милаха, то мир меняется – наполняется радостной энергией и яркими красками. Занятия, работа в лаборатории отнимали у него много времени, но он старался, хоть ненадолго ежедневно встречаться с ней.

Новый год Гай хотел бы встретить только вдвоём, но Дан подкинул идею на четыре дня отправиться в Лаго-Наки. Его идею покататься на лыжах и побыть в горах, поддержали все. Когда посчитали, набралось восемь человек. Дмитрий заявил, что собирается пригласить свою знакомую. Никита также, не пожелав быть единственным без девушки, сообщил: один тоже не останется. Дан забронировал частный гостевой дом, так выходило дешевле и удобнее. Гай впервые не поехал на Новый год домой, его немного мучила совесть: он оставлял отца в одиночестве в трудное для него время. Но как только представил, что будет вынужден слушать стенания отца, начинал злиться и нервничать. Его успокаивало, что разлука родителей происходила регулярно, и уже должна войти в привычку. Утешал себя тем, что пройдёт время, и они, как всегда, помирятся.

Выезжали из Краснодара на двух машинах. Гай, Юля и Ася отправлялись на Хюндай Солярисе Дана. Никита и Дмитрий вместе с двумя девушками отбывали в Лаго-Наки на арендованной Ауди. Гай посмеивался, вспоминая выражения лица Дана при виде Леры, тот никак не ожидал, что именно эту девушку пригласит Дмитрий, но и сам был недоволен Никитой, позвавшим их однокурсницу Инну Глебову. Инна с первого курса всячески выражала Гаю свою симпатию, только ради него она пошла трудиться в лабораторию. Вольно или невольно, но обе девушки были угрозой для спокойного отдыха. На первой же остановке Дан улучил момент, когда рядом не оказалось ни Юли, ни Аси, приблизился в Лере.

– Привет, Краюха. Каким образом ты очутилась в одной компании с нами?

Лера откинула прядь волос с лица. С выражением презрения оглядела Дана с головы до ног.

– Боишься, что расскажу, чем ты занимаешься?

– Боюсь, – хмыкнул Дан. – Правда, не очень. Просто Асе ещё рано знать о моей работе. Будь добра, в память о наших прошлых отношениях ничего ей не говори. Придёт время, я сам всё объясню. Она умная девочка, поймёт: ничего зазорного в моей работе нет. Просто способ получать неплохие деньги.

Лера ухмыльнулась.

– Удивляюсь я Асе и Юлке, они до сих пор не проверили, чем ты занимаешься. Хотя, я им уже намекала. Тебе повезло: они были сильно заняты украшением витрин к новогодним праздникам.

– Только намекала?

– Ага. Они даже приходили в «Иберис» послушать, как я пою, жаль – не в четверг. – Лера смотрела в лицо Дана, потемневшее от гнева, и испытывала злорадное удовлетворение. – Мне нравится Ася. Не хочу, чтобы ты испортил такую хорошую девочку.

Дану так хотелось влепить Лере пощёчину, что он едва сдерживал себя.

– Всё ещё ревнуешь? Мы сто лет как с тобой расстались.

– Не ревную. Просто не хочу, чтобы Ася стала очередной игрушкой для тебя.

– Она уже большая девочка – сама разберётся. – Он наклонился к самому лицу Леры и негромко произнёс: – Дай мне время, я сам расскажу ей. Ты же не хочешь, чтобы новые подружки узнали о твоём боевой юности.

– Ах, ты! Я же тебе одному в минуту откровенности призналась. А ты теперь шантажируешь этим меня?

Дан усмехнулся.

– Приходится, раз ты намерилась всё испортить. Я ещё не готов отпустить Асю. Так что по рукам?

Лера, опустив голову, пробормотала:

– Я промолчу, но рано или поздно всё станет явным и без меня.

– Лучше поздно.

Дан, заметив друзей, выходящих из придорожного кафе, быстро отошёл от Леры. Гай, подойдя к другу, протянул стаканчик с кофе.

– Мы не стали там есть. В помещении накурено, хоть топор вешай. Взяли пирожки и кофе на вынос.

Никита и Дмитрий водрузили пакеты со снедью на капот автомобиля. Дан поинтересовался у Гая.

– Где девчонки?

– Пошли на заправочную станцию в туалет, в этом кафе нужник просто отстойный.

– Ты чего стоишь там, иди к нам, – Дмитрий позвал Леру. – Мы купили пирожки с разной начинкой. – Он протянул ей стаканчик. – Пей быстрее, пока горячий.

Лера взяла у него кофе,

– Мне пирожок с печенью. Не люблю сладкие.

Дмитрий достал из бумажного пакета пирожок, обернул салфеткой и протянул Лере.

Гай, заметив приближающихся девушек, достал из кармана пакет с влажными салфетками.

– Давай сюда свои лапки, – обратился он к Юле.

Она покорно протянула руки, Гай тщательно вытер их салфетками.

– Вообще-то мы руки мыли, – заявила Инна, с трудом скрывая раздражение, от такой явной демонстрации привязанности Гая.

– Нужно обеззараживать: куча людей касается дверных ручек. – Гай вручил Юле стаканчик с кофе, подал пирожок. – С яблоками, как ты любишь.

– А нам кто-нибудь подаст? – поинтересовалась Инна, показывая на себя и Асю.

Дан показал на пакеты.

– Берите. Вот эти с капустой и картошкой, эти с печенью.

Никита передал кофе сначала Асе, потом Инне.

– Дамы, угощайтесь.

Утром, когда они выехали из Краснодара, начинал сыпать мелкий снег, похожий на манную крупу, но спустя полтора часа перестал. И хотя солнце спряталось за серые тучи, из-за тихой безветренной погоды мороз не ощущался. Друзья с удовольствием подкрепились на свежем воздухе.

– От Краснодара до Лаго-Наки двести километров, сто десять мы уже проехали, дальше дорога посвободней, думаю, к обеду прибудем на место, – предположил Дан. – Ну что, рассказываемся, и в путь?

Пока трапезничали, Юля посматривала на девушку, которую пригласил Никита. Их познакомили перед самой рассадкой в машины.

– Это наша однокурсница Инна Глебова, – пояснил Никита. – А это Ася, девушка Дана. Леру ты знаешь, сейчас она проживает в одной комнате с Асей и Юлей. А это Милаха. – вырвалось у него. Смутьившись, он поправился: – То есть Юля, девушка Гая.

– Очень приятно, – кивнула Инна и добавила: – Я не просто однокурсница. Уже три года работаю в лаборатории вместе с ребятами. Знаю их как облупленных. Разве мы с вами не друзья?

– Друзья, – подтвердил Никита.

Юля немного расстроилась, подумав: эта девушка знакома с Гаем намного больше её и видит его гораздо чаще, чем она, ведь они почти каждый день встречаются в лаборатории. Стоило Юле посмотреть, какой взгляд однокурсница бросила на Гаю, то каким-то внутренним чутьём сразу поняла: он очень нравится Инне. Невольно она отметила: у соперницы красивые, блестящие, тёмно-карие глаза, гладкая смуглая кожа. Широкие скулы не портят её лицо, а придают особый шарм. Проснувшуюся ревность Юли немного успокоила плотная, коренастая фигура девушки, однако этот недостаток скрадывался длинными стройными ногами. Юля поразилась тому, как быстро в ней по отношению к Гаю проклюнулись собственнические ростки, это ощущение, как и чувство ревности ей не понравилось, будто она проглотила что-то горькое и весьма неприятное. К счастью, Инну посадили в машину с Никитой, Дмитрием и Лерой. Юля оказалась на заднем сиденье с Гаем, и у неё появилась возможность успокоиться и придти в себя.

Однообразный пейзаж за окном автомобиля сменился на заснеженные возвышенности, поросшие редким лесом. Через час дорога начала петлять, впереди показались белые вершины гор, лес стал гуще и выше.

В арендованный коттедж добрались после полудня. Хозяйка, получив плату за проживание, вручила им ключи.

– Водяная колонка и отопление настроены на определённую температуру, так что вентили не крутите. Сегодня я протопила дом, а завтра утром сами будете разжигать котёл. Дрова в сарае рядом с пристройкой. Уборка комнат сделана утром. Если вам захочется ежедневной уборки, то это за отдельную плату. – Она покосилась на девушек. – Хотя тут есть, кому наводить порядок. После готовки вымоете плиту. В общем, разберётесь. Вопросы есть?

– Когда начинают работать подъёмник и прокат снаряжения? – поинтересовался Дан.

– Если не будет сильного снегопада, то с рассветом. – Хозяйка коттеджа оглядела гостей. – Не буяньте. Если что-то ломаете, придётся платить.

Никита улыбнулся.

– Не волнуйтесь. Всё будет в порядке.

Парни помогли девушкам занести вещи и продукты в дом. В коттедже оказалось очень уютно: гостиная могла похвастаться огромным до самого пола окном, из него открывался замечательный вид на горы, засыпанные белым искристым, словно рафинад, снегом. Комната выглядела просторной из-за небольшого количества мебели: здесь имелся лишь диван с парой кресел, длинный стол со стульями и консоль под телевизор. Спальни тоже меблировали по минимуму: кровати, тумбочки и платяной шкаф.

– Девочки, какую комнату выберете? – Дан, облокотившись о притолоку, оглядел спутниц.

Лера, сравнив обе спальни, уверилась, что они совершенно одинаковые.

– Никакой разницы. Идём в эту. Она ближе к кухне. Люблю по ночам хомячить.

Инна критично осмотрела её тонкую, словно жердь, фигуру.

– Пока по тебе это незаметно, но если продолжишь, рано или поздно растолстеешь.

– Когда это случится, тогда и буду переживать, – отпарировала Лера. – Ась, давай займём кровати у окна.

Юля усмехнулась, Лера явно благоволила к её подруге. За последние два месяца она и Ася подружились с неразговорчивой соседкой, оказалось: та обладает своеобразным чувством юмора, никогда никому не льстит, но и намеренно старается не обижать. На второй же день после достопамятного прихода Дмитрия к ним в комнату, вернувшись после занятий, подруги обнаружили: часть комнаты, принадлежащая Лере, убрана, а постельное бельё на её кровати сменено. Она даже соизволила с ними немного пообщаться. Правда, её волновал лишь Дмитрий. Когда он заходил в гости, она вскакивала с кровати и быстро приводила себя в порядок. Но больше всего Юлю и Асю удивило, что их друг детства тоже заинтересовался Лерой. От него они узнали, почему она поёт в ресторане по ночам. Оказалось, та рано осталась без родителей, а дедушка и бабушка помочь ничем не могли, ей самой приходится поддерживать стариков материально. Получалось, она зарабатывает себе на жизнь и ещё ухитряется учиться. Подруги, увлечённые собственными любовными отношениями, упустили момент, когда Дмитрий и Лера окончательно сблизились. Видимо, поэтому они отправились отмечать Новый год вместе с ними.

– Девочки, – Дан постучал в дверь. – Можно войти?

– Заходи, – за всех ответила Ася.

Дан распахнул дверь.

– Если вы уже распаковали вещи, одевайтесь на прогулку. В горы сегодня поздно, поэтому просто прошвырнёмся по посёлку и окрестностям. Продукты мы уже закинули в холодильник. На ужин сварганим пельменей, чтобы долго не возиться. Как вам такая идея?

– Отлично, – обрадовалась Лера. – Правда, я и не собиралась демонстрировать здесь свои кулинарные таланты.

– Даю на всё десять минут. Ждём вас во дворе. – Дан закрыл дверь.

На улице стояла безветренная погода, с неба беззвучно падали крупные хлопья снега и от этой тишины всем почудилось, будто заложило уши. Из-за слабого мороза снег не хрустел под ногами, а едва слышно шуршал.

– Как здорово! – вырвалось у Юли. Она протянула руки, подставляя ладони под падающий снег.

– Это не здорово, – усмехнулся Никита. – Если снегопад усилится, то все трассы завалит, и пока их не расчистят, покататься не сможем.

– Не пугай, – успокоил всех Дан. – Я смотрел прогноз погоды. К утру обещают ясно и солнечно.

После прогулки и игры в снежки компания вернулась в коттедж. Ася отправилась варить пельмени, Юля и Лера принялись готовить бутерброды с рыбой, зеленью и свежими огурцами. Инна, заявив, что и без неё кухарок хватает, отправилась вместе с ребятами смотреть футбол в гостиную. После сытного ужина по предложению Никиты, расстелив на полу толстые пледы, все уселись перед окном смотреть на падающий снег.

– Чтобы ближе познакомиться, предлагаю сыграть в игру «Скажешь правду или выпьешь», – предложила Инна.

Никита её поддержал.

– Вы трое, – он показал на Асю, Юлю и Дмитрия, – хорошо знаете друг друга, и мы четверо тоже общаемся больше трёх лет, но всегда интересно узнать что-то новенькое.

– Что будем пить? – воодушевился Дан.

Юля, сидевшая в кольце рук Гая, тихо прошептала ему на ухо.

– Я плохо переношу алкоголь. Пьянею от двух рюмок. Как тогда буду завтра кататься на лыжах?

Гай притянул её к себе ближе, коснулся уха девушки губами.

– Будешь делать один глоток или отвечать на вопрос. Как тебе это?

– Ладно.

Инна покосилась на них и с лёгким возмущением произнесла:

– В большой компании не стоит шептаться, вдруг вы нас обсуждаете. Ну что, все согласны? С кого тогда начнём?

– Подождите, я принесу выпивку, – остановил её Дан. – Ась, поможешь.

Вернулись они из кухни быстро. Дан поставил на пол поднос с бутербродами и двумя бутылками шампанского. Ася раздала всем пустые бокалы.

– Давайте, я начну первый, – заявил Никита. – Будем двигаться по часовой стрелке. У меня вопрос к Юле. Какая кличка была у тебя в школе?

Юля поставила бокал перед собой.

– Такая же как и в университете: Акация.

– Интересно, почему? – удивилась Инна. – Странное прозвище.

Юля улыбнулась.

– Ничего странного. Моя фамилия Кация, поэтому и Акация.

– Тогда понятно, – кивнула Инна. – Многим не хватает фантазии придумать поинтереснее, что в школе, что в университете. Теперь моя очередь. Мой вопрос к человеку рядом с тобой. Гай, сколько девушек у тебя было до Юли?

Гай, пристально посмотрев на Инну, потянулся за бутылкой шампанского. Юле пришлось отодвинуться от него, чтобы он открыл бутылку. Негромко хлопнула пробка, в бокал полилась пенящая жидкость.

– Я считаю вопрос некорректным, поэтому выпью.

За Инной сидела Лера. Она повернулась к Дмитрию.

– У меня похожий вопрос. Дима, а сколько у тебя было девушек?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.